

На правах рукописи

Хохлов Александр Анатольевич

**НРАВСТВЕННО-ДИСЦИПЛИНАРНАЯ ПРОБЛЕМА
В ПОВСЕДНЕВНОСТИ ПРАВОСЛАВНОГО
ПРИХОДСКОГО ДУХОВЕНСТВА КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX в.**

5.6.1. Отечественная история

Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора
исторических наук

Казань – 2024

Работа выполнена в федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет» на кафедре истории Татарстана, антропологии и этнографии

Официальные оппоненты:

Пушкарева Наталья Львовна, доктор исторических наук, профессор, федеральное государственное бюджетное учреждение науки Ордена Дружбы народов «Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая» Российской академии наук, Центр гендерных исследований, главный научный сотрудник;

Фирсов Сергей Львович, доктор исторических наук, профессор, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена», кафедра истории религии и теологии, профессор;

Юрганова Инна Игоревна, доктор исторических наук, федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт российской истории Российской Академии наук», Центр изучения религии и церкви, ведущий научный сотрудник.

Ведущая организация: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Оренбургский государственный педагогический университет», г. Оренбург

Защита состоится 31 мая 2024 года в 10.00 часов на заседании объединенного совета по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук 99.2.030.02 на базе федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Пензенский государственный университет», федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва» по адресу: г. Самара, ул. Академика Павлова, 1, Самарский университет, корпус 22-в, зал заседаний.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева» https://ssau.ru/resources/dis_protection/khokhlov

Автореферат разослан «___» _____ 20___ г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Леонтьева Ольга Борисовна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования определяется тем, что вопрос повседневной поведенческой культуры представителей православного приходского духовенства в пространстве российского общества второй половины XIX – начала XX в., ее структуры, характера и специфики прежде всего в аспекте различных форм асоциального поведения нельзя считать достаточно изученным, подвергнутым в историографии целенаправленной и глубокой проработке. Значительное количество источников по данной теме до сих пор не исследовано и не введено в научный оборот, чем ограничивается эвристический потенциал исторического знания в обозначенной области. Решение данной задачи позволяет восполнить имеющиеся пробелы. Вместе с тем приходится признать, что вопрос соответствия поведенческой культуры клира нормам благочестия и дисциплины, постулируемым церковной традицией, ее изменений во времени под влиянием политических социальных, экономических, психологических и прочих факторов не теряет актуальности и в современных условиях. Анализ и рациональное осмысление опыта прошлого создает условия прогнозирования тенденций развития Русской православной церкви, отвечая насущной потребности гармонизации общественных отношений в целом и отдельных форм социальной активности в частности.

Исследовательская проблема, в свою очередь, видится в следующем. Обладая всеми признаками социального института, церковь тем не менее представляет собой особую социокультурную реальность с присущей ей самобытностью исторического развития, мировоззрением, внутренним укладом, знаковой системой и коммуникативными практиками. Ее духовно-нравственные императивы, уходящие корнями в Священное Писание и Предание, зафиксированные в опыте святоотеческой традиции подвижничества и нормах канонического и церковного права, исторически составляли стержень церковной нормативной системы. Противоречие между ее прописными нормами и повседневностью конкретного периода и локалитета составляет суть поставленной проблемы.

Не вызывает сомнения, что в процессе исторического развития эксплицитная ориентация клира на христианский нравственный идеал значительно возвышала его общие этические качества, придавая им более совершенную форму и культурное оформление. Однако категоричность аскетической традиции сказывалась не только на самом духовенстве, его образе мыслей и действий, но и на представлениях паствы о пастырском служении как таковом. Это неизбежно сужало поле для нравственного-поведенческого маневра клира в пространстве того социума, в которое оно было погружено, создавая тем самым ситуацию, когда идеал благочестия оказывался принципиально нереализуемым, труднодостижимым или требующим морального компромисса. Повседневная жизнь российских приходов объективно изобиловала противоречивыми моментами, зачастую весьма нетривиальными, однозначное разрешение которых было возможным лишь идеалистически, но не всегда – в социальной реальности.

Пореформенное время можно рассматривать в качестве именно того исторического периода, когда в концентрированной, наглядной форме нашли отражение ключевые аспекты указанных противоречий. Приходское духовенство, несшее нелегкое бремя служения преимущественно в среде крестьянства, в силу инерции развития общества и совокупности прочих фундаментальных причин на рубеже XIX–XX вв. встало перед лицом масштабного морального вызова, на который предстояло ответить. Этого требовало как его собственное профессиональное предназначение, так и воспитываемое им общество, испытывавшее насущную потребность в нравственных ориентирах и моральной опоре в условиях усиливавшейся социальной турбулентности. Однако ответ церковных пастырей оказался далеко не однозначным. Показателем этого служат различные нравственно-дисциплинарные отклонения в причтах, обильно зафиксированные в источниках. Их совокупность позволяет обоснованно рассматривать указанную сторону повседневности приходского духовенства как исторический и культурно-психологический феномен. Архивные материалы предоставляют возможность вскрыть его основы, определить структуру, динамику и направленность на региональном уровне, создавая тем самым перспективу для будущих исследований.

Объектом настоящего исследования выступает социальная история Русской Православной церкви второй половины XIX – начала XX вв.

Предмет исследования – поведенческая культура православного приходского духовенства Казанской губернии в аспекте девиантного (отклоняющегося) поведения в условиях специфической исторической и социальной действительности; его структура, факторы, динамика и изменение во времени.

Территориальные рамки исследования охватывают территорию Казанской губернии в границах XIX – начала XX вв. Отметим, что границы Казанской губернии существенно отличались от границ современной Республики Татарстан и включали ряд территорий, на сегодняшний день являющихся частью сопредельных республик – Чувашской и Марий Эл, а также Ульяновской области.

В рассматриваемом контексте немаловажным представляется тот факт, что с 1832 г. после выделения из состава Казанской епархии самостоятельной Симбирской епархии границы канонической территории Казанской епархии стали соответствовать административным границам Казанской губернии. Перечисленные факты имеют важное значение в аспекте подбора корпуса источников и осуществления исследования.

Казанская губерния была полиэтничным аграрным регионом, что непосредственно сказывалось на ее культурном и хозяйственном ландшафте. Являясь внутренней периферией, она при этом, как ядро крупнейшего светского и духовного учебного духовного округа, играла роль одной из «узловых» административных единиц империи.

Хронологические рамки исследуемого периода охватывают период с начала второй половины XIX в. по 1905 г. включительно. Таким образом, исследование посвящено времени, определяемому в историографии как пореформенный период. Нижняя граница периода обусловлена началом реформ Александра II, кардинальным образом трансформировавших экономический, социальный и культурный ландшафт Российской империи. Верхняя граница ограничивается Первой русской революцией, определившей наступление нового этапа российской истории. Пореформенному времени была присуща интенсивная динамика общественно-политических процессов, глубокие изменения в укладе жизни страны и особые социально-психологические процессы на макро- и микроуровнях.

Степень разработанности темы исследования. В целях обстоятельного анализа данному вопросу посвящен специальный раздел диссертации. В целом необходимо отметить, что заявленная проблема ранее не становилась непосредственным предметом научного поиска. Это предопределяет ее актуальность как с историографической точки зрения, так и с позиции социальной востребованности. Одновременно нельзя сказать, что вопросу нравов православного духовенства исследователи и мыслители различных эпох в принципе не уделяли внимания как такового. Для дореволюционной историографии данная тема была жива и актуальна, поскольку историческая ситуация складывалась таким образом, что церковь выступала неотъемлемой частью социального пространства того времени. Это обуславливало некоторый интерес научных кругов к повседневному быту, общественному статусу и проблемам священно- и церковнослужителей, а также в той или иной мере стимулировало попытки их научного раскрытия. Вместе с тем делалось это лишь попутно, в контексте рассмотрения более значимых и фундаментальных для того времени вопросов церковной истории. Тем не менее даже столь ограниченный подход привел к формированию весьма интересного интеллектуального наследия, частично позволяющего пролить свет на специфику нравов клира дореволюционной России и их предпосылки.

В советский период интерес к церковной тематике в науке закономерно снижается, попадая в жесткие рамки идеологического диктата государства. Исходя из этого, советская историография, за некоторым исключением, представляется весьма бедной и малоинтересной в аспекте обозначенной проблематики.

Значительный прорыв в области изучения проблемных сторон истории Православной церкви был осуществлен уже в постсоветский период, выведший на передний план целую плеяду новых историков и обозначившийся серией работ, затрагивающих различные стороны церковной жизни прошлого. Многократно было расширено проблемное поле, постепенно стало складываться самостоятельное научное направление – церковная этнография. Однако даже несмотря на благоприятствующие условия, по замечанию некоторых исследователей, специалисты старались обходить стороной вопросы этического плана, а изучение нравов духовенства в значительной мере

продолжило оставаться уделом отдельных энтузиастов от науки. Впрочем, все еще не являясь центральной темой историографических построений, история церковной повседневности, церковная этнография и церковно-историческая девиантология в ряде моментов продвинулась вперед весьма существенно, что позволяет использовать данные наработки для настоящего исследования.

Цель и задачи исследования. Цель работы – выявление причин, структуры, масштабов, характера, направленности и движущих сил нравственно-дисциплинарной проблемы в среде православного приходского духовенства Казанской губернии во второй половине XIX – начале XX в.

Достижение цели предполагает решение следующих задач:

1. анализ корпуса источников по теме, определение степени изученности проблемы на основе специальной литературы и конструирование авторской теоретико-методологической модели, оптимально способствующей решению поставленных задач;

2. выявление особенностей исторической ситуации и специфических характеристик социокультурной среды как коррелятов прикладного этоса приходского духовенства, в рамках которых он реализовывался;

3. рассмотрение комплекса девиаций клира, характеризующихся преобладанием общесоциальных признаков, их причин и механизмов реализации, а также преломления в фокусе епархиальных дисциплинарных практик;

4. анализ круга нарушений, прямо коррелирующих со спецификой профессиональной деятельности духовенства, выделение их феноменологических черт и определение места и роли в церковной дисциплинарной традиции обозначенного периода и локалитета.

Источниковая база исследования. Ядро источников диссертации сформировано из архивных документов. Их информативная емкость раскрываются в первой главе работы. В целом источниковая база исследования достаточно обширна и включает в себя все основные виды исторических источников: законодательные акты, делопроизводственную документацию, статистические материалы, периодическую печать, материалы личного происхождения, этнографические источники, исследования, аналитику и публицистику пореформенного времени. Однако ключевое значение имеют следственные дела Казанской духовной консистории, сохранившиеся в архивных фондах Государственного архива Республики Татарстан, обладающие исключительной эвристической ценностью. Прочие материалы дополняют (в ряде случаев весьма существенно) сведения следственных дел, расширяя и углубляя наше представление об исследуемой проблеме.

Методологические основы исследования подробно раскрываются в первой главе диссертации. Отметим, что они базируются на принципах полипарадигмальности и поликонцептуальности с ориентацией прежде всего на исторические, психологические, социологические и юридические теоретические подходы, в совокупности, формирующие в рамках представленной работы синергетическую исследовательскую модель.

Методы исследования. Применяемым в диссертации методам также уделено специальное внимание в первой главе диссертации. Ограничимся указанием, что ключевыми методами при проведении исследования были избраны историко-антропологический и метод «насыщенного» описания, дающие возможность детально проанализировать фактуру проблемы, вскрыть ее структуру, выявить корреляты и детерминанты основополагающих элементов вопроса, параллельно решая задачу «оживления» исторического повествования. В основу методического базиса работы, кроме прочего, положено три общеисторических метода: историко-генетический, историко-сравнительный и историко-системный. Вместе с тем, в процессе исследования нашли применение и другие общенаучные методы: дедукция и индукция, анализ и синтез, описание, измерение и объяснение.

Научная новизна исследования заключается в том, что представленная диссертация является первым оригинальным опытом воссоздания картины повседневности провинциального православного приходского духовенства второй половины XIX – начала XX в. в ее нравственно-дисциплинарном аспекте, а также анализа проблемы нравов клира в социокультурном и психологическом пространстве Среднего Поволжья. В научный оборот впервые вводится значительный пласт новых архивных документов, позволяющих раскрыть специфику этического и культурного профилей части приходского духовенства Казанской губернии пореформенного времени в свете повседневных взаимоотношений как внутри причтов, так и с паствой. Кроме прочего разработана авторская теоретическая модель, суть которой сводится к объяснению механизма воспроизводства нравственно-дисциплинарных девиаций клира через подчеркивание всеобъемлющего влияния фактора социального окружения. Впервые в исследовательской практике реконструирована детальная картина поведенческих аномалий священно- и церковнослужителей, их иерархия и степень зависимости от условий приходской жизни. Новаторский характер носит также обращение автора к повседневной практике функционирования епархиального организма в правовом аспекте и определение роли ситуационных факторов в формировании специфики церковного администрирования в рассматриваемый период. Следует отметить, что в современной отечественной историографии специальных исследований подобного плана не предпринималось, исходя из чего представленная диссертация по существу является первым и оригинальным сочинением, актуализирующим обозначенную проблематику.

Теоретическая значимость исследования обусловлена тем, что оно построено на основе авторской теоретико-методологической модели, опирающейся на принципы междисциплинарного синтеза, адекватно объясняющей причины и трансмиссию девиантных форм поведения в среде православных приходских причтов. Данная методологическая модель может быть применена при изучении истории повседневности Русской Православной церкви на материале других регионов России и при проведении сравнительно-исторических исследований по данной проблематике.

Практическая значимость исследования. Материалы диссертации могут быть использованы при дальнейшей научной разработке проблемы: при написании обобщающих исследований по социальной истории Русской Православной церкви, в общих и специальных научных трудах по истории Республики Татарстан и Российской Федерации. Результаты исследования могут также найти применение в образовательной практике: при разработке учебных курсов по истории России эпохи империи, истории Русской Православной церкви, культурологии, политологии, религиоведения, теологии и церковного права. Выводы могут иметь значение в контексте социального проектирования и реализации социальной политики в Российской Федерации.

Положения, выносимые на защиту:

1. Приходское духовенство Казанской губернии в значительной степени было духовенством сельским, что оказывало прямое влияние на его социокультурный облик и психологический профиль, формировавшиеся в процессе специфической исторически обусловленной социализации и инкультурации.

2. Доминирование в крестьянской среде традиционных этических норм, в Среднем Поволжье нередко этнически окрашенных, предопределяло неравновесное морально-нравственное состояние причтов, априорно ориентированных в повседневной жизнедеятельности на реализацию императива церковного благочестия, но вынужденных балансировать между его требованиями и местной традицией. Неоднозначность такой ситуации создавала широкий простор поведенческой вариабельности.

3. Положение клира в социальном пространстве прихода предполагало его всестороннюю материальную и, как следствие, психологическую зависимость от прихожан, что становилось заметным фактором этических и поведенческих стратегий священно- и церковнослужителей.

4. Система кадрового отбора, культивируемая в указанный период в церкви, хотя формально и была ориентирована на приоритет образованности в вопросе занятия кандидатом места служения, но фактически находилась в зависимости от конкретной ситуации, а также позиции прихожан. Не всегда их выбор склонялся в пользу более самого образованного или наиболее достойного клирика. Мнение прихода было значимым фактором в глазах духовной администрации в контексте реализации ею епархиальной политики и судопроизводства.

5. В поведенческом профиле приходского клира Казанской губернии пореформенного времени четко просматриваются отклонения общесоциального свойства, эксплицитно присущие окружавшему его крестьянству, и по степени распространенности – выстраивающиеся в иерархию. Так, первое место среди дисциплинарных нарушений занимали случаи, прямо или косвенно связанные с пьянством священно- и церковнослужителей. При этом в рассматриваемый период данный порок в действительности был распространен повсеместно и в целом считался основным в среде прочих социальных групп. Следом шли

отклонения, обусловленные агрессивным поведением, а также практикой доносительства и оговоров — наиболее частые деструктивные явления в сельской среде. Одновременно имел место ряд нарушений духовенства, обусловленных его сугубо профессиональной деятельностью. Центральное место среди них занимали финансовые злоупотребления членов причтов, в чьих руках были сосредоточены рычаги управления приходской экономикой.

6. Эмпирическое подтверждение влияния на проблему дисциплинарных нестроений в духовенстве находит фактор его индивидуального разнообразия, склонностей, умственных способностей и уровня культурного развития. Хотя указания источников на данный факт фрагментарны, тем не менее в совокупности они позволяют провести четкую параллель между личностными особенностями конкретного клирика и его склонностью к поведенческим крайностям.

7. Картина повседневной нравственности приходского духовенства демонстрирует закономерности, обусловленные также спецификой внутренней церковной структуры. Большой спектр отклонений и интенсивность их трансляции демонстрировало низовое звено причтов — причетники. Это особенно четко просматривается на примере различных форм бытового насилия. В то же время священство практически не было фигурантом дел подобного плана, за исключением нескольких зафиксированных источниками случаев. Данный факт указывает на прямую корреляцию между принадлежностью клирика к определенной категории причта и уровнем его бытовой культуры.

8. В плане приверженности религиозной ортодоксии приходской клир, как правило, был достаточно дисциплинирован и не был предрасположен к уклонению от нее даже в условиях повсеместно окружавшей его народной полуязыческой религиозности. Анализ корпуса следственных дел Казанской духовной консистории в данном вопросе дает основания для однозначных выводов. Таким образом, данное явление вполне может претендовать на статус исключительного на фоне общего состояния проблемы дисциплинарной устойчивости приходского духовенства Казанской губернии.

Степень достоверности результатов исследования. Достоверность полученных результатов исследования обеспечивается положенными в его основу методологическими принципами, использованием совокупности методологических подходов и приемов, соответствующих задачам и цели исследования, репрезентативностью источниковой базы исследования.

Апробация результатов исследования. Сюжеты и аспекты диссертации неоднократно обсуждались на международных, всероссийских и региональных конференциях: Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы документоведения и архивоведения: вызовы времени» (Гурзуф, 2020), Международной научно-богословской конференции «Богословие и светские науки: традиционные и новые взаимосвязи» (Казань, 2020), Международной научно-практической конференции «Диалог культур и цивилизаций» (Москва, 2020), Международной научной конференции

«Семейное, женское, повседневное в историко-антропологическом измерении» (Кострома, 2023), Всероссийской конференции историков-аграрников, археологов, этнографов Евразии «Историко-культурное наследие российской деревни: сохранение и развитие» (Казань, 2022), Межрегиональной научно-практической конференции «Бусыгинские чтения» (Казань, 2021–2023), Научно-богословской конференции «Барсовские чтения» (Санкт-Петербург, 2019–2023), Научной конференции «Суд и правосудие в России XVII–XIX вв.» (Москва, 2023). Вопросы, возникавшие в процессе исследовательской работы, дискутировались в рамках серии заседаний, круглых столов и семинаров Общества по изучению церковного права им. Т. В. Барсова (Барсовское общество) при Санкт-Петербургской духовной академии Русской Православной церкви Московского Патриархата, действительным членом которого диссертант является.

Представленное диссертационное исследование соответствует **паспорту научной специальности 5.6.1. Отечественная история**, в частности, пункту 6 «История повседневной жизни различных слоев населения страны на соответствующем этапе ее развития», пункту 7 «История развития различных социальных групп России, их общественно-политической и социально-культурной жизни, а также хозяйственной деятельности», пункту 13 «История взаимоотношений государства и религиозных конфессий. История религий и церкви в России», пункту 18 «Исторические изменения ментальностей народов и социальных групп российского общества».

Структура исследования. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения и списка использованных источников и литературы. Конфигурация работы предполагает применение самостоятельной теоретико-методологической модели и достижение поставленной цели через системный подход путем реализации принципа от общего к частному.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы исследования, формулируется проблема, характеризуется степень изученности темы, раскрывается источниковая база исследования, определяются его объект и предмет, хронологические и территориальные рамки, цель и задачи; представлены методологическая и методическая основа, научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, положения, выносимые на защиту, степень достоверности и апробация результатов исследования, его соответствие паспорту специальности и структура диссертации.

Глава 1 «Историография, источники и теоретическая основа исследования» содержит анализ степени изученности проблемы и характеристику источниковой базы исследования, его теоретико-методологической основы и понятийного аппарата.

В параграфе 1.1 **«Степень изученности проблемы»** рассматривается историография вопроса, структурированная на основе традиционного подхода:

дореволюционная, советская, современная. Такая схема позволяет оптимально представить генезис, эволюцию и закономерности взглядов исследователей на интересующую нас проблему.

Интерес к быту и нравам православного духовенства в интеллектуальном пространстве России в той или иной степени присутствовал всегда. Клир – публичная социальная группа и он был всегда на виду, привлекая к себе внимание со стороны. Однако при этом воззрения исследователей отличались внутренней противоречивостью. С одной стороны, они базировались на эксплицитной установке о высоком предназначении священства и его фундаментальной роли в вопросах общественной нравственности. Такой подход был характерен прежде всего высшим слоям общества, воспитанным в рамках духовной литературной традиции, культивируемой церковью. С другой, серьезную корректировку в это восприятие вносила наблюдаемая действительность, во многом расходившаяся с книжными идеалами. Обозначенную дихотомию, постепенно оформившуюся в устойчивую тенденцию, мы наблюдаем на всех этапах исторической мысли вплоть до сегодняшнего дня. Но наибольшей яркости она достигала в *дореволюционный период*.

На начальном этапе становления отечественной исторической науки (XVIII в.) интерес к моральному облику православного клира едва ли был в строгом смысле научным. В замечаниях того времени видится скорее интеллектуальная реакция мыслителей на явления современной им общественной жизни. Так, В. Н. Татищев с увлечением предавался рассуждениям о благонравии приходского духовенства. Обращая внимание на социальный облик священства первой половины XVIII в., он отмечал постепенную маргинализацию причтов и, как следствие, утрату высокого духовного статуса¹. Вместе с тем, оценки клира в глазах историка-государственника вполне соответствовали общим представлениям раннего имперского времени, и в немалой степени зависели от утилитарной целесообразности того или иного поступка духовного лица. Обнаруживая в облике современного ему пастыря отражение общественной морали, Татищев тем не менее допускал, что неблаговидное, с точки зрения церковного благочестия, поведение могло находить этическое и правовое оправдание, если мотивом неканонических вольностей пастыря являлось очевидное государственное благо.

Н. М. Карамзин в обозначенном вопросе не был столь гибок, как его предшественник, и исходил преимущественно из идеалистических соображений. Патетически фиксируя в своих сочинениях заслуги церкви в освобождении России от ордынской зависимости и многовековом служении нравственной опорой государственной власти и обществу, Карамзин не умалчивал и об имевшихся в ее среде пороках. В работах историка мы находим многочисленные примеры падения нравов клира в имперское время, его

¹ Татищев В.Н. Духовная моему сыну. Содержание Разговора о пользе наук и др. сочинений. Объяснительные статьи: Тексты Духовной и Увещения. СПб., 1896. С. 29.

духовную несамостоятельность и пагубную сервильность. Иными словами, духовенство являлось зеркальным отражением духовного состояния общества².

С. Ф. Платонов, в сущности, шел в русле карамзинской традиции³.

До С. М. Соловьева внимание к приходскому духовенству как особому социальному классу с присущей ему спецификой правового положения, культуры и психологии в историографии оставалось неустойчивым. Именно Соловьев стал первым в ряду тех, кто сделал на обозначенной проблеме заметный акцент. Анализируя источники XVII в. и, в частности, постановления церковного собора 1667 г., изобилующие обличениями священно- и церковнослужителей в безнравственности, Соловьев предметно перечислял пороки, глубоко проникшие в среду причтов: симонию, невежество и т.д. В морально-этическом аспекте в анамнезе девиаций рядового клира на первое место историк ставил пьянство⁴. Причину этих явлений он видел в исторической незрелости не только духовенства, но и русского общества в целом, еще не оторвавшегося от своих первобытных основ и не успевшего к тому времени перейти к более просвещенным и рациональным началам собственной организации. Некоторый интерес представляет и тот факт, что историк не прошел мимо правовой стороны вопроса. Рост правонарушений в церкви, по его мнению, был связан с постепенной потерей контроля церкви над финансовыми источниками и уменьшением ее доходной базы в период реформ Петра I и после них. Затрагивая экономические интересы высшей иерархии, царь неизбежно вторгался в пределы всей церковной общины, низовое звено которой воспринимало происходящее как «покушение на святое». Результатом этого становился асимметричный ответ в форме различных неканонических действий: бегства с мест служения, ухода в раскол, уклонения от государственных повинностей и т.п.⁵

Позитивное влияние церкви на общественную нравственность в ходе всего исторического развития России подчеркивал и В. О. Ключевский⁶. Однако такой взгляд был характерен для ученого прежде всего в его официальных и широко известных работах. В личных же записках историк язвительно обрушивался на церковную иерархию, перечисляя ее вопиющие, порой антихристианские поступки⁷. Доставалось и рядовому клиру, пораженному глубоким невежеством, суевериями, корыстью и грубыми нравами. К осмыслению этой проблемы историк возвращался регулярно, придавая ей не столько конкретно-исторический, сколько философский характер, пытаясь проследить и понять причины той дихотомии христианской

² Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991. С. 108.

³ Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. М., 1993. С. 114.

⁴ Соловьев С.М. Чтения и рассказы по истории России. М., 1989. С. 321.

⁵ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 2009. С. 571–572, 612–614, 628.

⁶ Ключевский В.О. Церковь и Россия. Париж, 1969. 89 с.

⁷ Ключевский В.О. Дневниковые записки 1902–1911 гг. // Ключевский В.О. Сочинения. М., 1990. Т. 9. С. 267–362.

церкви, в которой на фоне торжества героического раннехристианского духа процветала этическая косность, ханжество и полуязыческий ритуализм⁸.

Таков был характер взглядов наиболее видных представителей дореволюционной светской науки на интересующую нас проблему. Вместе с тем было бы упущением не упомянуть и о плеяде видных церковных историков того времени. В их числе митрополит Макарий (Булгаков), Е. Е. Голубинский, архиепископ Филарет (Гумилевский), П. В. Знаменский, А. П. Доброклонский, А. В. Карташов, И. К. Смолич и др. В большинстве этих работ, как ни странно, мы не найдем специального анализа интересующего нас вопроса. Оценки, встречающиеся на страницах их трудов, по преимуществу фрагментарны и ограничивались лишь общей констатацией имевшей место проблемы, затрагивая при этом преимущественно ранние исторические периоды⁹. Некоторое исключение в этом списке составляют, пожалуй, только Е. Е. Голубинский, А. В. Карташов и П. В. Знаменский. Так, Е. Е. Голубинский в работе «О реформе в быте Русской церкви»¹⁰ довольно откровенно описывал неприглядное моральное состояние современного ему приходского клира. В сущности, его позиция созвучна таковой же у С. М. Соловьева: источник всех нравственных бед духовенства – пьянство¹¹. Злоупотребление винопитием, однако, уходит корнями в нетрезвость народную. Выход из этой ситуации Голубинский видел в необходимости повышения культуры приходского клира через подлинное просвещение и его радикальный отрыв от крестьянского быта и мышления. Заслуга А. В. Карташова больше видится в унаследованном от того же духовного происхождения своеобразном психологизме, который историк мастерски применял в своих суждениях о ключевых проблемах русской церковной истории. Суть их в целом сводилась к опровержению стереотипа о нравственном ригоризме и культурной изящности имперского клира. П. В. Знаменский, со своей стороны, хотя и не столь искусно, облек эту логику в строгие научные формы. Казанский историк посвятил приходскому духовенству синодального периода монографию, в которой открыто изложил свое видение вопроса¹². Анализируя церковные документы, Знаменский впервые обратил внимание на то, какое видное место занимала в них дисциплинарная составляющая. Неприглядную жизнь приходского клира, его маргинальное положение и грубые нравы П. В. Знаменский помещает в контекст исторической и социальной ситуации¹³. Пороки духовенства – суть следствие его чрезвычайно глубокого взаимопроникновения с крестьянской массой, обусловленного длительностью и близостью их совместного

⁸ См., например, запись в дневнике от 30 марта 1868 г. (Там же. С. 286–289).

⁹ Макарий (Булгаков М.П.), митр. История Русской церкви. М., 1996. Кн. 3; Голубинский Е.Е. История Русской церкви. М., 1901. Т. 2, ч. 2.; Филарет (Гумилевский Д.Г.), архиеп. История Русской церкви в пяти периодах. М., 2001; и др.

¹⁰ Голубинский Е.Е. О реформе в быте русской церкви. М., 1913.

¹¹ Там же. С. 20.

¹² Знаменский П.В. Приходское духовенство в России со времени реформы Петра. Казань, 1873; см. также: Его же. Руководство к русской церковной истории. Казань, 1876.

¹³ Знаменский П.В. Приходское духовенство в России... С. 751–752.

проживания, а также общностью хозяйственных нужд. Отсюда и широко распространенное пьянство, бродяжничество, драки и прочие формы неблагоповедения, столь характерные для простого и грубого в нравах народа.

Таким образом, несмотря на относительно слабый интерес дореволюционной историографии к проблеме нравов приходского духовенства, значимой стороной исследований этого периода следовало бы считать учет ею исторического и социального контекстов при обсуждении проблемы этического неблагополучия рядовых служителей церкви. В этом видится глубокое понимание ее сути хотя бы в силу того факта, что многие из историков не просто были современниками данных явлений, наблюдавшими их воочию, но и являлись выходцами из духовного сословия, а, следовательно, от рождения знали его безрадостную повседневность. Вместе с тем, уделяя первоочередное внимание таким фундаментальным вопросам, как церковно-государственные отношения, церковная экономика, история епископской власти, монашества и святости, дореволюционные исследователи прочно держались доминировавшей парадигмы и в целом почти сознательно пренебрегали обращением к менее, с бытовавшей точки зрения, значимым аспектам церковной жизни.

В *советский период* ситуация выглядела сложнее. В Советском Союзе интерес к научным разработкам культурологических проблем был довольно слабым, а сама культура (впрочем, как и история) помещалась в узкие рамки идеологического контекста¹⁴. Западные тенденции в исторической науке с их историко-антропологическими акцентуациями и интересом к аспектам повседневности тогда спроса не находили. Духовенство как социальный класс с его историей и современностью было помещено в пространство классового антагонизма и официально идентифицировалось как чуждый социалистическому обществу элемент. Образ пастыря транслировался исключительно в негативных категориях, клир представлялся в виде алчного и верного орудия угнетателей народных масс. По мере же фактического искоренения в государстве этой социальной группы и вытеснения ее остатков на обочину социальной и культурной жизни интерес к аспектам церковной истории и этнографии оказался на грани нулевого.

Из числа исследований советского периода внимание привлекает небольшая работа религиоведа Е. Ф. Грекулова «Нравы русского духовенства», впервые опубликованная в 1928 г. Впрочем, подход исследователя страдал очевидной поверхностностью и неоправданными обобщениями, за которыми нетрудно заметить политическую ангажированность и полемический запал эпохи воинствующего атеизма¹⁵. Как следствие, работа не преодолела формат наукообразности и свелась к одному из вариантов типичной для того времени агитационно-пропагандистской литературы.

Современник Грекулова Б. А. Романов в своих изысканиях ограничился лишь Древней Русью. Впрочем, несмотря на неблагоприятную атмосферу в исторической науке и идеологическое давление, исследователю хватило

¹⁴ Клейн Л.С. История антропологических учений. СПб., 2014. С. 452.

¹⁵ Грекулов Е.Ф. Нравы русского духовенства. СПб., 2011.

мужества и профессионализма уйти от резкого обличительного тона Е. Ф. Грекулова и придать своему повествованию строгий научный стиль¹⁶. Анализируя взгляды Б. А. Романова на нравы древнерусского духовенства, следует отметить, что ученый видел ключевую проблему в историческом соприкосновении внешнего христианского благонравия с древними, в значительной степени еще архаичными нормами, культивируемыми тогдашним обществом.

Трудом, который едва ли уместно обойти стороной, является работа Н. М. Никольского, посвященная обзору истории Русской церкви¹⁷. «История Русской церкви» не избежала участи обычного для того времени идеологического заказа. Однако данный труд в итоге превратился в первый и, по существу, единственный опыт социальной истории Русской церкви, в котором аспектам бытового, дисциплинарного и нравственного плана было уделено некоторое внимание. Прослеживая историю Русской церкви с древности, исследователь обоснованно утверждал, что уже к XVIII в. приходское духовенство в глазах правительства стало представляться не более чем «*подлым родом людей*»¹⁸. В пореформенное время к прежним бедам клириков добавились попытки крестьян поставить клирошан под свой контроль, используя в качестве инструмента многочисленные доносы и жалобы духовным властям на пьянство, драки, вымогательство и прочие пороки клириков. Это создавало компрессионную модель, выжить в рамках которой можно было, только культивируя пластичную нравственность. Таким образом, причины реального неблагоповедения простонародного духовенства для историка очевидны – социальная ситуация.

После распада СССР ситуация постмодернизма, сложившаяся к тому времени в странах Зарубежной Европы и Северной Америки, начала оказывать идейное влияние и на отечественную историографию. Результатом этого стало обильное исследовательское творчество и многочисленные ростки в постсоветской России различных вариантов истории: повседневности, ментальности и т.д., ориентированных на решение широкого спектра микроисторических и историко-антропологических проблем¹⁹. Закономерно, что в это же время было снято табу и с церковно-исторической тематики. Но церковным историкам даже в этой благоприятствующей обстановке было не до экспериментов. Семидесятилетний исследовательский перерыв настоятельно требовал не просто восполнения историографических пробелов при параллельном решении важных теоретико-методологических проблем, а

¹⁶ Романов Б.А. Люди и нравы Древней Руси. М., 2013.

¹⁷ Никольский Н.М. История русской церкви. М., 1985.

¹⁸ Там же. С. 107.

¹⁹ Романенко Е.В. Повседневная жизнь русского средневекового монастыря. М., 2002; Будур Н.В. Повседневная жизнь колдунов и знахарей в России XVIII–XIX веков. М., 2008; Кожурин К.Я. Повседневная жизнь старообрядцев. М., 2014; Безгин В.Б. Крестьянский самосуд и семейная расправа (конец XIX – начало XX вв.) // Вопросы истории. 2005. № 3. С. 152–157; Его же. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX века). М.; Тамбов, 2004; и др.

масштабной работы по реставрации всего здания церковной истории. Постепенно свободную нишу стали заполнять светские историки, в меру своей компетентности и понимания специфики религиозной тематики, нацелившиеся на освещение нетривиальных аспектов прошлого Русской церкви. На начальном этапе это были работы популярного жанра, довольно поверхностно описывавшие быт и нравы православного духовенства в ряду прочих социальных групп. Первым таким опытом стало сочинение В. С. Поликарпова «История нравов в России», в которой церкви было уделено специальное внимание²⁰. Впрочем, работа в итоге получилась малоинтересной, поскольку в раскрытии сути проблемы, в сущности, не вышла за пределы констатации факта об объективной зависимости этики социума от противоречий действительности. Не смогла преодолеть эту планку и более поздняя работа В. Г. Анишина и Л. В. Шманевой «Быт и нравы царской России», приобретшая скорее обзорный, чем глубоко аналитический характер²¹.

Очевидная заслуга в пробуждении подлинно научного интереса к обозначенной проблеме принадлежит тверскому историку Т. Г. Леонтьевой, еще в 1990-е гг. заявившей о себе многочисленными примерами разработки церковно-исторической тематики²². Для этого исследователя характерна опора на аутентичные материалы, пристальное внимание к микроисторическим и гендерным аспектам при сохранении социального контекста, из которого автор в значительной степени исходил при объяснении того или иного явления. Т. Г. Леонтьева, пожалуй, стала первой исследовательницей, которая целенаправленно осуществила срез региональных источников, обратившись к прошлому Тверской епархии. Профиль провинциальной приходской жизни, согласно историку, есть результат уникальной социокультурной и исторической ситуации, в которой клир не существовал отдельно и сам по себе, но находился в перманентном контакте с прочими социальными группами, оказывая на них влияние и сам испытывая на себе их воздействие.

Судя по всему, именно работы Т. Г. Леонтьевой и намеченные ею подходы стали импульсом для появления в последующие годы целой серии исторических исследований (в том числе диссертационных), посвященных приходскому духовенству различных регионов страны. Среди них работы А. Н.

²⁰ Поликарпов В.С. История нравов в России. Восток или Запад?: [От Алексея Тишайшего до Николая Второго]. Ростов н/Д., 1995.

²¹ Анишкин В.Г., Шманева Л.В. Быт и нравы царской России. Ростов н/Д.: Феникс, 2010. 464 с.

²² Леонтьева Т.Г. Роль церковного прихода в движении за народную трезвость // Русская провинция и ее роль в истории России, общества и развитии культуры. Кострома, 1994. С. 18–22; Ее же. Духовенство, либералы, крестьянство: эволюция взаимных представлений в начале XX в. // Учен. зап. ТвГУ. Тверь, 1996. Т. 2. С. 140–141; Ее же. Вера или свобода? Попы и либералы в глазах крестьян в начале XX в. (на материалах Тверской губернии) // Революция и человек. Социально-психологический аспект. М., 1996. С. 92–114; Ее же. Быт, нравы и поведение семинаристов в начале XX века // Революция и человек: быт, нравы, поведение, мораль. М., 1997. С. 20–38; Ее же. Быт приходского православного духовенства в пореформенной России (по дневниковым записям и мемуарам) // Из архива тверских историков. Тверь, 1999. Вып. 1. С. 28–49.

Евдокимовой, О. Ю. Бабушкиной, С. М. Васиной, А. В. Скутнева, И. Н. Мухина, Н. В. Беловой, Ю. И. Белоноговой, А. В. Прокофьева, Д. Н. Калашникова, А. В. Всеволодова и др.²³ В них едва ли следует искать специальный анализ проблемы дисциплинарных отклонений в среде приходского клира – она затрагивается там лишь попутно. Но, тем не менее, для перечисленных историков характерны некоторые действительно ценные, основанные на данных архивных материалов, суждения. Глубже всех в суть затронутого вопроса проникли О. Ю. Бабушкина и А. В. Скутнев, обозначившие средовые факторы проблемы. О. Ю. Бабушкина отмечала всестороннее воздействие культуры сельских отношений, базировавшихся на архаичных обычаях, которым духовенство, по существу, не могло сопротивляться и к которым вынуждено было адаптироваться. Логика размышлений А. В. Скутнева шла в том же направлении. С его точки зрения, девиации занимали заметное место в повседневности епархиального духовенства. Причину этого историк усматривал во влиянии грубой крестьянской среды, а также особенностях профессионального становления приходских клириков: из деревни отпрыск священника попадал в семинарию, где исстари царил обскурантская атмосфера и жесткие нравы²⁴.

Первый удачный опыт собственно церковной этнографии принадлежит Т. А. Бернштам. Монография «Приходская жизнь русской деревни: очерки по церковной этнографии» на сегодняшний день в определенной степени стала хрестоматийной. Обращаясь к проблеме повседневной нравственности духовенства, Бернштам констатировала ее присутствие во всех периодах русской церковной истории. Однако при этом она постулировала нетривиальный и далеко неоднозначный характер вопроса. В некотором роде,

²³ Евдокимова А.Н. Приходское духовенство и прихожане Чувашского края в конце XVIII – первой половине XIX веков.: дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2004; Бабушкина О.Ю. Приходское духовенство Южного Зауралья в 60-е годы XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Курган, 2002; Васина С.М. Приходское духовенство Марийского края в XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Йошкар-Ола, 2003; Скутнев А.В. Приходское духовенство в условиях кризиса Русской православной церкви во второй половине XIX в. – 1917 г.: на материалах Вятской епархии: дис. ... канд. ист. наук. Киров, 2005; Мухин И.Н. Приходское духовенство в конце XVIII – начале XX вв.: по материалам Егорьевского уезда Рязанской епархии: дис. ... канд. ист. наук. М., 2006; Белова Н.В. Провинциальное духовенство в конце XVIII – начале XX вв.: быт и нравы сословия: на материалах Ярославской епархии: дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2008; Белоногова Ю.И. Приходское духовенство и крестьянский мир в начале XX века: (по материалам Московской епархии). М., 2010; Прокофьев А.В. Приходская реформа 1861–1864 гг. и ее влияние на самосознание приходского духовенства: дис. ... канд. ист. наук. М., 2010; Калашников Д.Н. Повседневная жизнь приходских священнослужителей в провинциальной России второй половины XIX – начала XX в.: на материалах Курской епархии: дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2011; Всеволодов А.В. Православное приходское духовенство в 1840-е – 1880-е гг.: материальное обеспечение, корпоративная организация, самосознание (на материалах Вологодской епархии): дис. ... канд. ист. наук. Череповец, 2014.

²⁴ Скутнев А.В. Приходское духовенство в условиях кризиса Русской православной церкви во второй половине XIX в. – 1917 г.: на материалах Вятской епархии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2005. С. 20.

образ неблагочестивого клирика, прочно засевший в общественном сознании и проникший в научные работы – результат гипертрофированных акцентуаций отечественной публицистики XIX в. на негативных сторонах приходской жизни²⁵. Таким образом, исследователь обращалась к выявлению системных детерминант проблемы, предполагая ее решение в рамках небинарной модели с учетом скрытых факторов и неявных взаимосвязей.

Эвристическую линию Т. А. Бернштам продолжил Кировский историк В. А. Коршунков²⁶. С его точки зрения, рядовое духовенство жило бок о бок с простыми людьми, а потому, с одной стороны, было склонно впадать в присущие последним крайности, а с другой – перманентно находилось на виду, что способствовало широкой огласке его предосудительного поведения и невольной мультипликации негативных представлений о нем в обществе²⁷. Этот взгляд пришелся по душе молодому поколению исследователей и получил подкрепление в недавнем исследовании оренбургского историка А. Г. Фот, впервые в историографии осветившей проблему внебрачных связей пореформенного духовенства²⁸.

В 2010-х гг. карельский историк М. В. Пулькин актуализировал общую девиантологическую проблематику, заложенную десятилетием ранее междисциплинарной группой петербургских исследователей²⁹. Пулькин апробировал заданные ею подходы в собственных исторических построениях и применительно к поведенческим аномалиям избранных им социальных групп. В частности, разбирая материалы европейского Севера, Пулькин обратил внимание на многочисленность проявлений девиантного поведения в религиозных сообществах³⁰. С его точки зрения, кризисные явления в духовном пространстве социума не могли не затронуть церковь и ее служителей – его неотъемлемую часть. Более того, наиболее остро они проявляли себя как раз

²⁵ Бернштам Т.А. Приходская жизнь русской деревни: очерки по церковной этнографии. СПб., 2005. С. 127.

²⁶ Коршунков В.А. Преступления и наказания дьячка Замятина: как в XIX в. руководство Вятской епархии перевоспитывало своих подначальных // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург, 2018. Вып. 18. С. 66–67.

²⁷ Коршунков В.А. Указ. соч. С. 82.

²⁸ Фот А.Г. «...Хотел было взять меня себе вместо жены и жену свою оставить законную...»: к вопросу о внебрачных связях приходского православного духовенства Оренбургской епархии второй половины XIX – начала XX века // История: факты и символы. 2023. № 2. С. 37–49.

²⁹ Девиантность и социальный контроль в России (XIX–XX вв.): тенденции и социологическое осмысление / отв. ред. Я.И. Гишинский. СПб., 2000.

³⁰ Пулькин М.В. Дело о самосожжении старообрядцев. Март – май 1784 г. // Исторический архив. 2007. № 2. С. 205–210; Его же. Православный приход и власть в середине XVIII в. – начале XX в.: (по материалам Олонецкой епархии). Петрозаводск, 2009; Его же. Слухи о самосожигателях: истоки, достоверность, фиксация и использование (конец XVII – XVIII в.) // Традиционная культура: науч. альманах. 2011. Т. 12, № 1. С. 143–150; Его же. Алкоголь и традиционная культура в XVIII – начале XX в. (по материалам Олонецкой губернии) // Традиционная культура: науч. альманах. 2012. Т. 13, № 2. С. 112–121; и др.

там, где традиционные устои были прочнее всего и которые одновременно интенсивно подвергались эрозирующему влиянию модернизации.

Дисциплинарные аспекты повседневности православного клира в их каноническом разрезе с течением времени стали попадать и в фокус интересов церковных историков, что произошло под влиянием общенаучной тенденции и внутреннего церковного запроса. Особая заслуга здесь принадлежит издательству Санкт-Петербургской духовной академии и Обществу по изучению церковного права им. Т. В. Барсова, ставшему заметной интеллектуальной площадкой для обсуждения обозначенных проблем³¹. Вместе с тем приходится констатировать, что данная тематика в церковном пространстве находится в самом начале своей разработки. И если интерес к ней на общецерковном уровне спорадически все же имеет место, то этого никак нельзя сказать о региональных историях.

Таким образом, на основе проведенного анализа можно констатировать, что степень изученности поставленной проблемы отличается ограниченностью. Это накладывает отпечаток на понимание генезиса, структуры, масштабов и динамики явления. За пределами внимания исследователей остался целый пласт вопросов по истории приходской жизни пореформенного времени в ее повседневной, правовой, культурной и психологических ипостасях. Иными словами, церковно-историческая девиантология, несмотря на чрезвычайное обилие источников и усилия отдельных ученых, до сих пор не сложилась как новое и самостоятельное исследовательское направление, что предопределяет фрагментарность существующей картины церковной истории.

В параграфе 1.2 *«Источниковая база исследования»* анализируется корпус источников диссертации, который комплектуется из неопубликованных и опубликованных документов. Первая группа представлена в большинстве ранее не публиковавшимися письменными материалами четырех региональных и одного федерального архива: Государственного архива Республики Татарстан (ГА РТ), Государственного исторического архива Чувашской Республики (ГИА ЧР), Государственного архива Республики Марий Эл (ГА РМЭ), Российского государственного исторического архива (РГИА). Выбор архивов обусловлен спецификой исследуемой проблемы, ее историческими и географическими характеристиками.

Значение выявленных источников для исследования неравнозначно. Исключительную важность имеют документы, сконцентрированные в следственных делах Казанской духовной консистории (ГА РТ, Ф. 4.). На сегодняшний день выявлено более 400 дел, касающихся проступков и преступлений духовных лиц Казанской губернии за период с середины XIX по

³¹ Резухин П.С. Проблема обеспечения церковной дисциплины внутри духовного сословия в конце XIX – начале XX вв. // Вестник Исторического общества С.-Петерб. духовной академии. 2021. № 3. С. 321–328; Хохлов А.А. Специфика епархиального судопроизводства второй половины XIX в. на примере одного из дел // Христианское чтение. 2023. № 1. С. 214–224; Его же. Донос в государственном уголовном и церковном праве во второй половине XIX – начале XX вв.: сравнительный анализ сквозь призму теории и практики // Христианское чтение. 2022. № 2. С. 173–181; и др.

начало XX в. Наиболее типичные из них были задействованы для проведения исследования. Объем указанных дел варьируется от нескольких до сотен страниц. Вместе с тем, вне зависимости от данного факта, их материалы позволяют составить комплексное представление о пространстве приходской повседневности избранного периода в его этическом, психологическом и дисциплинарном аспектах, акторах подвергаемых расследованию инцидентов, тенденциях и особенностях внутренней и внешней церковной коммуникации. Материалы прочих архивов играют вспомогательную роль.

К опубликованным источникам относится совокупность разнородных по характеру и содержанию материалов, представленных разнообразными по времени самостоятельными, либо депонированными в сборниках публикациями: законодательными актами, делопроизводственной документацией, статистическими источниками, периодической печатью, материалами личного происхождения, этнографическими источниками, исследованиями, аналитикой и публицистикой, хронологически относящимися к рассматриваемому периоду.

Законодательные акты многочисленны и представлены как государственными, так и церковными нормативными документами³². Однако они очерчивают прежде всего юридическую сторону проблемы, хотя этим их значение не ограничивается. Нормы права и нормы морали, и как раз это характерно для имперского периода, взаимообуславливают, дополняют и взаимообеспечивают друг друга. В этом видится принципиальное значение данной группы источников для исследования. *Делопроизводственная документация* характеризуется особенно высокой эвристической ценностью, суть которой кратко раскрыта выше. Важно отметить, что ряд документов и отдельных сведений из указанной группы носит неофициальный характер, вследствие чего их влияние на углубление понимания проблемы существенно возрастает. Значение *статистических материалов* обуславливается их доказательной состоятельностью. Именно на основе статистических данных делается вывод о том, что большая часть духовенства Казанской губернии была представлена сельским клиром. Это имеет принципиальное значение для реконструкции его социокультурного облика и выявления детерминант и коррелятов психолого-поведенческих акцентуаций³³. *Периодическая печать* содержит массу сведений о повседневности и этнографии причтов. Она насыщена сочинениями, заметками, проповедями и прочими материалами, касающимися тех или иных сторон религиозной жизни в регионе. Особое место в этом ряду занимают «Известия по Казанской епархии». Несмотря на статус

³² Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб., 1877. Т. 50; Правила Святых Апостол, Святых Соборов, Вселенских и Поместных и Святых Отец с толкованиями. М.: Изд. Моск. О-ва любителей духовного просвещения, 1876; Устав духовных консисторий: [утв. 9 апр. 1883 г.]. СПб., 1883; и др.

³³ Статистические таблицы Российской империи, составленные и изданные по распоряжению министра внутренних дел Статистическим отделом Центрального статистического комитета. СПб., 1863; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под ред. Н.А. Тройницкого. СПб., 1904. Т. XVI: Казанская губерния.

официального печатного органа, «Известия» содержат значительное количество сведений о нетривиальных сторонах приходской действительности. Между тем, учитывая тот факт, что духовенство Казанской губернии не отличалось склонностью к писательству и фиксации событий епархиальной и приходской жизни посредством личных заметок, *материалы личного происхождения* ограничены и носят скорее вспомогательный характер, играя роль подспорья в формировании общего представления о жизни имперского приходского духовенства. *Этнографические источники* полнее других раскрывают специфику духовной и социо-нормативной культуры Казанской губернии, отражают быт и нравы населявших ее народов. Это послужило ключевым аргументом для привлечения их к исследованию. В данном случае акцент делается на «Материалы Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева, содержащие бесценные сведения о сельской жизни двух уездов Казанской губернии³⁴. В качестве источников также задействована разнообразная *исследовательская, аналитическая и публицистическая литература*, по времени происхождения относящаяся к исследуемому периоду. Основным аргументом в пользу такого подхода является тот факт, что их авторы выступали с позиции современников и очевидцев описываемых событий, явлений и процессов. Таким образом, комплекс задействованных источников позволяет решить поставленные в диссертации задачи и достигнуть намеченной цели.

В параграфе 1.3 «**Теоретико-методологическая модель**» конструируется авторская теоретико-методологическая модель в рамках эпистемологического принципа: теория предшествует истории. Делается установка на полипарадигмальный и поликонцептуальный подходы. Взгляд на историю приходского духовенства сквозь призму личности представителя клира и ее роли в развитии ситуации в епархиальном пространстве пореформенного времени предопределил жанр диссертационного повествования – сочетание микроисторического и историко-антропологического акцентов. В целях решения поставленных в работе задач, помимо исторических, задействованы этнографические, психологические и прочие подходы, что превращает представленную работу в междисциплинарное исследование.

В философском плане методологический базис диссертации опирается на принципы герменевтико-феноменологической традиции, заложенной Э. Гуссерлем, М. Хайдеггером, Х-Г. Гадамером и др. с их базовыми понятиями интерпретации и понимания, получившие специфическую разработку в трудах социальных антропологов и этнографов Э. Эванса-Притчарда и К. Гирца. Исходя из этого, культура понимается как «контекст», система значений, которую человек формирует собственными социальными действиями. Ее интерпретация направлена на расшифровку и понимание, заключенное в поведении и во всякой форме жизненного опыта человека, а через прочтение этого множества – достижение раскрытия смыслового наполнения всей

³⁴ Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. Т. 9. Казанская губерния: Спасский и Лаишевский уезды. Казань, 2017.

культурной традиции. Приходское духовенство и епархиальное сообщество как целое в таком случае исследуются и понимаются через сеть породивших их отношений, вскрывающих специфику и уникальность конфигурации повседневности провинциального прихода с ее нормами, ценностями, установками, правилами, конструктами, социальными и межличностными связями. Решению этой задачи оптимально способствует метод «насыщенного» описания, примененный в диссертации. Однако вместе с тем культура сама оказывает мощное формирующее влияние на низовые структуры и элементы, создавая цикличность собственного воспроизводства. Оптимальное объяснение функционирования этого механизма видится в *теории социального научения* в варианте, предложенном социальным психологом А. Бандурой. Социальное научение осуществляется как на основе собственного опыта активности субъекта, так и его наблюдений за поведением окружающих, а также последствиями их поведения. Так реализуется соционормативная трансмиссия. Однако следует учитывать тот факт, что любая, даже синтетическая и кажущаяся стройной и непротиворечивой, методологическая модель всегда будет иметь естественные ограничения. Кроме того, информационная емкость исторических источников не одинакова, исходя из чего, в представленном исследовании используется апелляция к бихевиористскому подходу – познанию внутреннего мира субъектов и групп через анализ и интерпретацию зафиксированного в источнике их видимого поведения.

В параграфе 1.4 **«Понятийный аппарат и его концептуальные маркеры»** представлен понятийный аппарат диссертации в его связи с концептуальными и смысловыми основами исследования. Ключевой категорией выступает понятие нравственно-дисциплинарной проблемы, содержание которой раскрывается сквозь призму категорий поведенческой девиации. Девиации на личностном уровне обладают специфическими признаками: склонностью субъекта к дезадаптации, тотальностью и стабильностью. Исходным для понимания поведенческих девиаций субъекта выступает понятие нормы. Норма есть предел и мера допустимого. Социальная норма выражает исторически сформировавшиеся в конкретном обществе и его культуре эталоны деятельности индивидов и социальных групп. Оценка поведенческих девиаций и норм, как правило, строится на социальных, психологических, психиатрических, этнокультурных, возрастных, гендерных и профессиональных подходах. В данном случае имеет место их поливариативность в зависимости от характера явления и условий его реализации. Это наглядно демонстрируется в рамках профессионального подхода, для которого характерно представление о профессиональных и корпоративных стилях поведения и соответствии им. Несоответствие поведения человека принятым в профессиональном сообществе нормам позволяет уверенно относить его к девиантам. Обращаясь к предмету настоящего исследования, можно констатировать, что церковь представляла собой особое профессиональное сообщество, в котором внутренней традицией очерчивались границы поведенческой и дисциплинарной нормы, давалось им

конкретное, порой выходящее за границы этического, обоснование. Духовенство при этом являлось замкнутой социальной группой, вся жизнь которой регламентировалась указанными каноническими и церковно-законодательными установлениями, в ряде случаев подвергавшимися предельной детализации. При этом, однако, клир не был свободен от нормативной подконтрольности государственному законодательству. Одновременно существенное значение имела нормативная традиция конкретного географического локалитета. Приходское духовенство в значительной степени было порождено его средой и неразрывно было с ней связано. Этнокультурные поведенческие стереотипы характеризуются общеобязательностью, действенностью и поглощающим воздействием на личность, в том числе на представителей религиозных сообществ – профессиональных воспитателей народного благонравия. Исходной точкой структурирования девиаций приходского духовенства в рамках данной диссертации служит учет двух взаимосвязанных факторов: идентификации и типологизации проблемы самим источником и реакции на конкретный поведенческий акт или их серию со стороны социальной (прежде всего церковной) среды. Отбор фактов при этом осуществляется по принципу наиболее типичных и массовых проявлений, нашедших отражение в источниках, что представляется обоснованным и эвристически удовлетворительным.

В главе 2 **«Приходской клир: между каноническим императивом и реалиями повседневности»** обрисовываются исторические условия и социокультурная среда, в которых осуществляло свою жизнедеятельность приходское духовенство Казанской губернии пореформенного времени, дана характеристика его культурного, образовательного и морального уровней, раскрывается специфика правового статуса в контексте канонических и повседневных (обычных) правовых норм.

В параграфе 2.1 **«Историческая обстановка»** отмечается, что значительная часть приходского духовенства Казанской губернии была представлена сельскими священно- и церковнослужителями. Исходя из этого, оно прочнее прочих социальных групп было связано с крестьянством. Данная связь носила всесторонний и глубокий характер. Однако парадоксальность ситуации заключалась в том, что, обладая более высоким правовым статусом, причты одновременно оказывались в полной материальной зависимости от своих менее привилегированных прихожан. Экономика приходов, ее структура и характер напрямую коррелировали с социально-экономической системой села, фактически превращая служителей церкви в маргинальную социальную группу с резко ограниченными профессиональными возможностями. Между тем, стремление государства поставить приходских клириков на казенное обеспечение полного и эффективного воплощения вплоть до конца периода не получило. Отчаянные попытки епархиального начальства организовать попечительства, кассы помощи и выдачу ссуд на устройство приходского хозяйства, в силу ограниченности ресурсной базы церкви ожидаемого эффекта

также не приносили. Иными словами, экономическое положение приходского духовенства сохраняло отчетливо депрессивный оттенок. Оно было тем фоном, на котором контрастно проступали слабые стороны церкви, оттеняя ее несомненные достоинства и заслуги.

Вместе с тем в пореформенное время глубокую трансформацию претерпевал этический каркас общества. В пучине реформ и общественных изменений растворялись или утрачивали свое значение базовые мировоззренческие и нравственные ориентиры. Анализ документов позволяет не только констатировать явный морально-нравственный дрейф населения империи, но и наметившуюся тенденцию постепенной секуляризации массового сознания на всех уровнях сословной организации. В этих условиях крестьянство все менее нуждалось в пастырских услугах, обеспечивавшихся за счет самих сельских тружеников. По мере падения их религиозности степень толерантности к нарушениям и проступкам духовенства снижалась, а его представители, не обладавшие должным нравственным авторитетом, становились первыми в ряду тех, кто начал испытывать к себе враждебность и пренебрежение. Отсутствие психологической и культурной границы между духовенством и паствой, обусловленное спецификой исторического развития села и деревенского социокультурного пространства, превращало клир в «своих» в глазах крестьян и на него допускалась экстраполяция грубых народных нравов. Углублению обозначенных проблем способствовали и новые социальные элементы – прибывавшие из города земские фельдшеры, учителя и другие представители интеллигенции. Они целенаправленно подсвечивали слабости приходского клира, так что к началу XX в. между этими двумя группами обозначился явный раскол и жесткая конкуренция. Таким образом, исторические условия, в которых реализовывало себя приходское духовенство в пореформенное время, отличались стрессовым характером. Маргинальное положение причтов формировало условия для набиравших остроту противоречий целей и возможностей, предопределяло нравственно-поведенческое лавирование и поведенческие вольности в стремлении нащупать баланс между различными социальными центрами силы и удовлетворением собственных насущных потребностей.

Параграф 2.2 *«Социокультурный фон»* посвящен раскрытию социокультурной природы той среды, в которой профессионально реализовывало себя приходское духовенство. Отмечается, что от места к месту социальный и культурный облик приходов менялся, сохраняя при этом некоторые универсальные черты. Определенное значение в данном контексте имела специфика Казанской губернии с ее полиэтничным и полирелигиозным составом. Тем не менее, хотя местные приходы представляли собой этнически негетерогенное и сегментированное пространство, они имманентно тяготели к монокультурному целому. Данная особенность ярко проявляла себя в поведенческих противоречиях их населения благодаря всеохватывающему культурно-психологическому влиянию исторически сложившейся здесь атмосферы на составлявшие их классы. Так, в пределах храма и в рамках

профессиональной деятельности приходской священник или причетник стремился соответствовать образу и модели поведения, вмененной ему нормами традиционного пастырского благочестия, но, едва происходила смена рода деятельности – быт прихода объективно не ограничивался религиозной составляющей – он оказывался перед дилеммой ролевого соответствия, что имело в том числе моральные и дисциплинарные последствия. Таким образом, проблему нравов и дисциплины приходского духовенства оправданно рассматривать в свете общей бытовой и социальной культуры сельского общества второй половины XIX – начала XX в.

Стоит принимать во внимание, что повседневность деревни в суровых климатогеографических условиях Волго-Уралья отличалась монотонностью и однообразием с эпизодическими просветлениями в дни народных и церковных праздников. В этом сумрачном пространстве досуг был довольно примитивен и неразнообразен. Скромный набор развлечений и их последовательность находились в строгой зависимости от календаря и времени года: страда – период всеобщей трудовой активности и относительной дисциплины. Продолжительные холода и непогода повергали сельчанина в пассивность и праздность. Жизненный ритм священника, нередко подобно своим прихожанам трудившегося на земле, в этой части практически ничем не отличался от крестьянского, а должное молитвенное усердие неизбежно отступало под давлением усыпляющей сельской монотонности в зиму и межсезонье. Духовенство, впрочем, потенциально имело возможность разнообразить течение своей жизни и жизни своих семей чтением художественной литературы или церковной периодики. Однако, судя по всему, это для него имело не первостепенное значение. Гораздо в большей степени клир волновала возможность беспрепятственного исполнения религиозных обязанностей и материального обеспечения собственных семейств. Исходя из всего вышеизложенного, делается вывод, что условия внешней среды детерминировали противоречивость менталитета сельских жителей, актуализируя его бинарные оппозиции: нравственное и безнравственное, возвышенное и низменное, святое и греховное и т.д., а служители церкви здесь не были исключением. Кроме того, в среде церковных пастырей встречался разнообразный набор личностей, часть которых, в силу индивидуальных особенностей, разделяла греховные пристрастия паствы или была склонна поддаваться излишнему социальному конформизму. В силу особенностей служения приоритетным для причтов было единство с прихожанами, от которых они всецело зависели. Эта заинтересованность усиливалась после освобождения последних от крепостной зависимости, роста их правовой самостоятельности и, как следствие, сдвига традиционной модели взаимодействия внутри прихода не в пользу духовенства. Не являясь центральным фасадом будничной жизни, эта дисгармоничная модель перманентно реализовывала себя посредством специфических коммуникативных практик, обусловленных симбиозом архетипов коллективной

народной психологии, религиозности, морали, нормативного кодекса и веяний времени.

Параграф 2.3. *«Общий образовательный и этический профиль»* посвящен анализу общего образовательного и этического облика приходского духовенства Казанской губернии. В пореформенное время ключевым фактором, влиявшим на образовательный статус клира, был отток способнейших поповичей в другие сословия. Это влекло за собой трансформационные эффекты в плане культурного потенциала причтов и мировоззренческих установок их членов. Судя по имеющимся данным, в целом процент приходского духовенства Казанской губернии, получившего семинарское образование, был довольно низким. Так, согласно сведениям синодальной канцелярии, из 34 рукоположенных к концу периода в Казанской епархии священников (1906), только 8 завершили полный курс семинарии, в то время как 8 чел. духовную школу не окончили, а 17 и вовсе не имели среднего духовного образования. Непросвещенность клира, его низкий, образовательный и полукрестьянский культурный облик неизбежно влекли за собой проблемы этического спектра. Между тем потребности епархии диктовали свои условия. Приходы остро нуждались в заполнении вакантных мест священно- и церковнослужителями, и епископы вынуждены были ходатайствовать перед Синодом о предоставлении права рукополагать в духовенство кандидатов, не окончивших курса духовной школы. При анализе документов также обращает на себя внимание факт несоответствия уровней образования священно- и церковнослужителей. Епархиальные архиереи в отчетах отмечали, что наиболее отстающими по критериям интеллектуального развития являлись именно кандидаты в последние, а также дети низового звена причтов – псаломщиков.

Образовательная проблема шла рука об руку с проблемой нравственно-дисциплинарной. Согласно источникам, поведенческие девиации в среде приходского духовенства представляли собой устойчивое явление. Однако некоторые из них особенно выделялись на общем фоне. К таковым относятся пьянство, доносительство, некоторые виды агрессивного поведения. Указанные обстоятельства регулярно становились предметом пристального внимания епархиальных властей, находя отражение в постановлениях и сочинениях архиереев, решениях духовной консистории и благочиннических советов.

В параграфе 2.4 *«Правовой аспект»* очерчены общие контуры правовой проблемы, дается характеристика канонических подходов церкви к вопросу благочестия и дисциплины духовенства. В Русской церкви благонравие клира регламентировалось сводом специфических правовых норм, нашедших отражение в канонах и церковных законодательных предписаниях. При этом исторические реалии не оказывали прямого трансформирующего воздействия на суть и характер постулируемого в них идеала. Императивы оставались незыблемы, а иерархия их источников сохранялась в рамках установленной духовной традицией модели.

В вопросе дисциплинарного плана канонам в церкви издревле отводилась ведущая роль. В Синодальный период они депонировались в Кормчей книге,

которая ближе к середине XIX в. была заменена на более структурированный и выверенный свод – Книгу правил. В 1841 г. впервые свет увидел Устав духовных консисторий, с учетом правок, переизданный в 1883 г., и ставший основным церковно-законодательным руководством для епархий. Устав являлся руководством по организации церковной жизни на местах и содержал важные сведения этического и правового плана. Образцы пастырского благонравия, дисциплины и правосознания транслировались и в многочисленных жанрах церковной литературы – агиографии, публицистике, сборниках проповедей. Заметный вклад вносила общецерковная и епархиальная периодика, на страницах которой печатались статьи, проповеди, заметки и выдержки по широкому кругу этико-правовых вопросов.

Однако сориентироваться в столь значительном массиве регламентаций и правил рядовому клиру было сложно. Даже по окончании семинарской школы за гранью понимания многих пастырей оставался значительный круг вопросов, требовавших истолкования и разъяснения. Серьезным препятствием на пути постижения духовенством основ церковного правоведения был его сравнительно низкий образовательный и культурный уровень, отсутствие имманентного запроса на книжность и давление крестьянской среды, эксплицитно чуждой просвещения. Ситуация осложнялась двойной подконтрольностью клира государственному и церковному законодательству с их спецификой подходов к определению нормы и отклонения, назначения санкций и их характера. Это предопределяло творческий подход епархиальных судов и следователей к реагированию на возникавшие на местах ситуации, попадавших в зависимость от целого спектра объективных и субъективных обстоятельств. На уровне приходских причтов тем временем главенствовало равно поверхностное отношение к каноническим и государственным законодательным предписаниям в угоду негласным обычаям, исторически принятым в конкретной местности. Таким образом, далеко не каждый инцидент с участием священника или причетника имел правовые последствия. В особенности, это касалось незначительных или неявных бытовых случаев.

Иерархия санкций властей за правовые нарушения духовенства выстраивалась в зависимости от тяжести деяния клирика: в случаях незначительных проступков применялись нормы канонического права и церковного законодательства, в случае тяжких – еще и государственного. Аналогичными были подходы и в отношении широкого спектра отклонений нравственного, финансового и должностного плана. Однако именно религиозные преступления выступают наиболее ярким показателем того, как пореформенное приходское духовенство оказывалось плотно зажатым между двумя правовыми системами: церковной и светской. Это предопределяло специфику его повседневных поведенческих стратегий – лавирование, сокрытие происшествий и т.д. В целом же, судя по источникам, в епархиальной и приходской повседневности негласная культурная традиция (с оглядкой на местные реалии) имплицитно доминировала над правом, будь то каноническим или государственным.

В главе 3 «Отклонения общесоциального плана» раскрываются наиболее очевидные типы нравственно-дисциплинарных нарушений приходского духовенства Казанской губернии, природу которых в целом можно рассматривать как общесоциальную. Их иерархия и последовательность даются в диссертации с учетом масштаба и частоты упоминания в источниках.

Параграф 3.1 «Пьянство» посвящен исследованию вопроса алкогольных злоупотреблений клира, превратившихся в устойчивую приходскую проблему. Пьянство в среде духовенства в той или иной степени имело место на протяжении всей истории Русской церкви. Масштабы проблемы в Казанской губернии в течении пореформенного периода, в силу ограниченности и фрагментарности данных, не поддаются точной оценке. Однако ее обоснованно считать одной из наиболее значительных. В пользу этого говорит не только внушительный набор соответствующих дисциплинарных дел, отложившихся в архивах, по совокупному объему превышающий прочие вместе взятые, но и тот факт, что проблема становилась центральным сюжетом во многих отчетах епархиальных благочинных с конца 1850-х гг. до начала XX в.

Пьянство священника или причетника во многих случаях шло рука об руку с пьянством крестьян и далеко не всегда расценивалось последними как сугубое преступление, требующее незамедлительной реакции. При этом перед лицом угрозы дисциплинарного вмешательства церковных властей крестьяне нередко проявляли склонность вставать на сторону своих пастырей, даже если те демонстрировали ненормативное поведение. Снисходительность к пьянственному образу жизни священнослужителей обуславливалась, вероятно, осознанием прихода как замкнутого мира «своих». Фактором актуализации этого древнего защитного механизма могла быть угроза реального или потенциального вмешательства извне. Ее мог олицетворять посторонний или чужак – архиерей, благочинный, чиновник и т.д. Этическая неоднозначность такой позиции, как препятствие, в таком случае в расчёт не принималась или оценивалась, исходя из специфического крестьянского понимания христианской нравственности.

Радикальное решение вопроса со стороны прихожан следовало только тогда, когда пьянство члена приходского причта преодолеvalo порог допустимого даже крестьянской моралью. Безусловно, такая принципиальность не могла приветствоваться всеми прихожанами, поскольку это тормозило и усложняло исполнение клиром насущных треб. Однако, оказавшись в безвыходном положении, крестьяне не только проявляли инициативу с требованием к епархиальной власти избавить их от неблагонамеренного священника или причетника, но и самостоятельно искали ему замену на стороне.

Нижнее звено клира – причетники – в ряде случаев демонстрировали куда более губительную склонность к вину и связанное с этим пороком ненормативное поведение, нежели священнослужители. Негативную роль здесь играла традиционно низкая образованность и грубая бытовая культура этой части причта. Вместе с тем при оценке проблемы следует учитывать

объективные обстоятельства. В тяжелых и однообразных условиях сельского быта потребление алкоголя зачастую являлось единственным средством психологического расслабления и снятия эмоционального напряжения, своеобразного простонародного эскапизма. Стимулирующее влияние на алкоголизацию клира также могли оказывать жизненные трагедии и невзгоды: смерть супруги, члена семьи, сиротство детей, невозможность творческой самореализации в условиях сельского общества и т.д. Все это увеличивало масштабы и остроту проблемы.

Однако пореформенная модернизация и сопутствующие ей негативные процессы не означали полного и окончательного демонтажа правил воздержания. Самосохранение было тем фактором, который удерживал общество от «сваливания в штопор». Психотерапевтический эффект спиртного в сельском социуме конкурировал с насущной необходимостью обеспечения себя пропитанием. Последняя диктовалась жестким правилом: какое количество продукта труженики зарабатывали в страду, на то и могли рассчитывать в последующую часть года. Хроническое пьянство наносило значительный урон работоспособности общин, а применительно к служителям церкви – бесперебойности совершения богослужений и требоисполнения, что в перспективе было чревато разнообразными трудностями. Поэтому сельский «мир», включая причты, воспринимал хроническое пьянство как явление однозначно негативное, несущее угрозу существованию коллектива, в котором духовенство обязано было играть роль нравственного ориентира, подавать пример непорочной духовной жизни и «обеспечивать» благорасположение высших сил. Вместе с тем чрезмерно активная церковная проповедь воздержания в среде прихожан нередко воспринималась последними как покушение «на святое» и единственное доступное «развлечение». Исходя из этого, клир под любым предлогом старался найти отговорки от исполнения обременительных консисторских циркуляров по укреплению народной трезвости, а дело трезвеннического просвещения населения становилось уделом отдельных социально ответственных и неравнодушных пастырей.

В параграфе 3.2 *«Агрессия, рукоприкладство и членовредительство»* уделено внимание еще одной острой проблеме – агрессивному поведению и насилию со стороны членов приходских причтов. Факты агрессивного поведения в среде приходского духовенства представлены в источниках хотя и не в столь многочисленном виде, как пьянства, но также имеют место. Источники дают возможность его типологизации на основе учета таких показателей как характер, причинность и объектность. Однако представленная в диссертации типология во многом условна, поскольку в повседневности акты агрессии нередко имели комплексный и взаимообусловленный характер. Многогранность реального быта причтов предопределяла сложность каждой конкретной ситуации, обуславливала переплетение факторов агрессии, ее индивидуальных мотивов и реакций.

Архивные материалы указывают на значительное влияние той социокультурной среды, в которую было погружено духовенство. Говоря

иными словами, вербальное и контактное насилие были имманентно присуще сельскому обществу и его повседневной культуре. Исходя из этого, случаи рукоприкладства и членовредительства были довольно частыми и случались регулярно. По всей видимости, именно в силу этой особенности сельской культуры можно констатировать условность применения духовными властями в существовавшей дисциплинарной практике канонических наказаний в отношении прощтрафившихся клириков даже в случаях табуированного насилия. Церковными властями их агрессивные действия, сколь бы они ни были недопустимы с точки зрения пастырского благочестия и канонического (церковного) права, де-факто редко интерпретировались как таковые. В особенности такие подходы властей усматриваются в отношении низового причта и в случаях, не сопряженных с прямой угрозой жизни.

Тем не менее куда более острая реакция архиерея и консистории возникали тогда, когда объектами насилия становились либо статусные клирики (в случае внутрпричтовых столкновений), либо представители внешних более высоких социальных групп. Реакция духовных властей обуславливалась также характером побудительных стимулов. Так, если в результате столкновения членов причтов прямо или косвенно страдала неприкосновенность сакрального пространства – храма, то дело принципиально и обстоятельно подвергалось разбору. В целом же, применение архиереями и консисториями дисциплинарных мер не всегда имело место, а там, где наказание следовало, нередко носило условный и противоречащий церковному праву характер.

Фигурантами абсолютного большинства случаев, связанных с физическим насилием, выступали причетники. Откровенно буйное поведение священников и дьяконов было явлением крайне редким. Это еще раз подтверждает тезис о наличии культурно-психологических коррелятов ненормативного поведения в среде клира. Так, после 1870-х гг. случаев насилия, обусловленных алкогольным опьянением священника, документами практически не фиксируется.

Значительное влияние на конфликтный фон в семьях духовенства оказывала традиционная патриархальная атмосфера, царившая в сельской местности. Постепенная трансформация традиционной семьи и изменение ролей мужа и жены, однако, не столько делало женщину более защищенной и самостоятельной в правовом плане, сколько усиливало конфликтогенность семейных отношений. В архиве Казанской духовной консистории за пореформенный период встречаются до десятка дел, содержащих следственные материалы по факту насилия со стороны представителей мужской части приходского причта в отношении женщин (жен, церковных помощниц, прихожанок). Вместе с тем побои со стороны мужей-клириков для матушек, судя по всему, не воспринимались как каноническое преступление и нехристианский акт. Неприятие вызывало радикальное избиение. В остальном подобного рода инциденты не рассматривались женщинами как основание для обращения к духовным или светским властям за защитой. Последние же, как

виновницы насилия, в консисторских документах практически не представлены.

Гарантом неприкосновенности потенциальных жертв буйных клириков часто выступали не другие члены причта, а прихожане, в ряде местностей объединявшиеся в этих целях во временно действующие дружины. Эти неформальные объединения занимались патрулированием села, пресечением стычек и драк. Благодичные в таких случаях ограничивались лишь наблюдением за общей обстановкой на приходе и играли роль осведомителей архиерея и консистории. Однако бывали случаи, когда сами крестьяне становились сообщниками клириков в действиях, связанных с физическим насилием. Тем не менее известны случаи, когда духовенство само становилось объектом угроз и нападков со стороны своей паствы.

Параграф 3.3 *«Доносительство, оговоры и жалобы»* раскрывает грани проблемы доносительства, оговоров и жалоб в среде губернского приходского духовенства. Лживые доносы (письменные или устные) и, в меньшей степени, оговоры следует считать наиболее распространенным видом обозначенного типа отклонений. Их инициаторами и проводниками могли выступать как лица духовного звания, так и представители других сословий, соприкасавшихся с повседневной жизнью приходов. Месть, неприязнь, зависть выступали ключевыми причинами ложного доносительства. В рамках межличностных отношений в причтах конфликты, обусловленные этими пороками, подчас приобретали откровенно безнравственные формы. Значительную роль в сохранении и культивации доносительства играли профессиональная и экономическая конкуренция и личная неприязнь клириков друг к другу, обострявшиеся в условиях социально-экономической нестабильности. Жизненные проблемы побуждали членов причтов к сохранению и упрочению своего положения любыми доступными способами, даже если это грозило нравственными издержками. Впрочем, справедливо и то, что отнюдь не каждый донос был безосновательным. Случалось, злонамеренное сообщение духовным властям содержало в себе зерно истины. Однако именно на нем и строилось все последующее обвинение. Иницирующая его сторона нередко гиперболизировала проблему, повышая таким образом вероятность реализации задуманного.

Масштабы проблемы доносительства в Казанской губернии в пореформенное время выглядят впечатляющими. Оно регулярно становилось предметом обсуждения и внимания властей. Судя по всему, пик данного явления приходится на 1880-1890-е гг. По крайней мере, именно в это время проблема доносительства в среде духовенства особенно часто фигурирует в общецерковных и епархиальных источниках.

Наиболее уязвимой категорией клира в контексте обозначенной проблемы были причетники, не обладавшие высоким статусом, а следовательно, лишённые иммунитета, но находившиеся при этом в полной зависимости не только от епархиальной власти, благодичных и прихожан, но и от своих непосредственных начальников – настоятелей храмов. В условиях

острых приходских противоречий именно причетники чаще других оказывались проигравшей стороной.

Жалобы формально не относились к категории доносов и имели вполне законный статус. Довольно часто жалоба была единственной возможностью донести архиерею о неблагополучном положении дел на приходе, попыткой выправить ситуацию или предупредить ее негативные последствия, способом защиты личных или коллективных прав. Жалобы были чрезвычайно многочисленны и разнообразны по содержанию, а их адресатами выступали и благочинные, и консистория, и даже Святейший синод. Тем не менее обоснованные жалобы были сравнительно редки. Чаще в документах встречаются злонамеренные жалобы, содержавшие в себе недостоверные, либо частично достоверные сведения. Их мотивом являлось не столько установление истины, устранение неблагоприятных обстоятельств или наказание подлинно виновных лиц, сколько взаимная (или односторонняя) неприязнь прихожан и клириков, членов причта между собой.

Прихожане со своей стороны нередко добровольно выступали инструментом разрешения приходских противоречий и конфликтов посредством доносительства. Вероятно, в ряде случаев просьба или совет священнослужителя об услуге воспринимались как заслуживающие внимания. С другой стороны, присутствовал фактор традиционно благоговейного и даже сакрализованного отношения к духовному сану, которым были движимы прихожане вне зависимости от их сословной принадлежности и статуса. Даже если священник не отличался духовными дарованиями и нравственным достоинством, почтительность и отзывчивость к некоторым из них являлись как бы сами собой разумеющимися. Впрочем, известны случаи, когда донос в консисторию на клирика поступал по инициативе не членов причта, а непосредственно кого-либо из прихожан.

Анонимность—была отличительной чертой значительной части доносов. Причем, судя по материалам, клирики часто использовали именно опосредованные доносы. В таком подходе крылось стремление остаться неузнанными, достигая при этом желаемой цели. И хотя отдельные добропорядочные священники видели в обозначенном пороке серьезную проблему и на собственном уровне предпринимали отчаянные усилия для его изживания, архиереи и консистории, как ни странно, не столь усердствовали в его пресечении. В этом заключался ключевой парадокс епархиального администрирования. Архивами подтверждаются лишь два случая, результатом которых стало порицание и наказание злонамеренных доносчиков. Имеет смысл обратить внимание на то, что ни одно известное нам решение архиерея или консистории по делу не было непосредственно направлено против практики приходского доносительства как таковой.

Закономерно, что дисциплинарные решения по конкретным случаям завесили от целого ряда субъективных факторов: обстоятельств, социального статуса заявителей, личных качеств епископа, расклада сил на приходе и т.д. При всей порочности доносов, в ряде случаев доносительство позволяло

правлящим архиереям и консисториям своевременно пресекать некоторые деструктивные явления в приходской жизни разбросанных по огромным пространствам причтов, управление которыми в условиях отсутствия устойчивой связи, дорог и сурового климата было проблемой чрезвычайно сложной. Поэтому, как ни парадоксально, доносительство имело некоторые положительные эффекты. Однако вопрос церковного правосудия таким образом ставился на довольно зыбкое основание архаичной традиции, при несовершенстве правовых механизмов оказывавшегося в зависимости от целого спектра сугубо субъективных факторов, не способствуя эволюции социокультурных практик на приходах и способствуя консервации и легализации наиболее архаичных практик в среде приходского духовенства.

Глава 4 «Профессиональные нарушения» посвящена анализу профессиональных нарушений в среде причтов: дается их картина, определяются основания и движущие силы, отражены противоречия и степень соответствия этическим требованиям церковной традиции.

В параграфе 4.1 *«Религиозные»* уделено внимание вопросу религиозной ортодоксальности приходского духовенства и его отклонений от учения церкви под влиянием окружавшей его социокультурной среды. Исключительная интегрированность сельских причтов в крестьянский «мир» закономерно должна была сказываться и на характере их религиозности.

Анализ архивных источников показывает, что однозначных религиозных отклонений в среде казанского епархиального приходского духовенства было крайне мало. Судя по всему, данный факт в целом укладывался в общероссийскую тенденцию. Религиозные девиации клира по большей части фигурируют в рамках случаев, связанных со случайностями, недоразумениями, лживыми доносами, халатностью, финансовыми противоречиями и т.д., но практически никогда – с сознательным или явным уклонением от православного вероучения.

Большинство случаев, которые подпадают под определение религиозного нарушения, было связано исключительно с противоречиями внутри причтов. Они являлись результатом конкуренции, выражались в необоснованных обвинениях клириками друг друга, оговорах, лживых доносах и т.п. Иными словами, религиозное преступление или проступок священнослужителю нередко приписывались кем-либо из окружения в сомнительных целях. Такая печальная картина актуализирует проблему, рассмотренную в предыдущей главе. Особая роль здесь принадлежала членам самих причтов, а также благочинным, обладавшим полномочиями и монопольным правом донесения о приходских делах епархиальным властям. В ряде случаев, их позиция оборачивалась крайностями, становившимися серьезной проблемой для внутрицерковного мира.

В описываемой картине парадоксальным выглядит тот факт, что имели место случаи, когда именно религиозное рвение и миссионерские успехи пастыря становились основанием для претензий, интерпретировались благочинными превратно в глазах архиерея и консистории. Причиной тому

нередко служила зависть, личная неприязнь или недостаточный уровень желаемого контроля над миссионером со стороны властного лица.

Вместе с тем вопрос очевидной религиозной дисциплинированности причтов требует ответа. Анализ источников дает основание полагать, что она обуславливалась рядом факторов, по своему влиянию неравнозначных. Во-первых, духовенство перманентно находилось на виду у паствы. Его повседневное поведение могло иметь неоднозначный характер, что так или иначе допускалось прихожанами. Но богослужebная и ритуальная дисциплинированность пастырей отслеживалась последними особо. Охранительная бдительность паствы удерживала клириков в строгих дисциплинарных рамках. Во-вторых, жесткость канонов и церковного и государственного законодательства, в имперский период предметно регулировавших вопросы вероотступничества. Источники прямо обозначают страх духовенства перед наказанием со стороны властей как действенный механизм предотвращения различных отклонений.

В зависимости от того, какое из религиозных преступлений или проступков было совершено клириком и при каких обстоятельствах, наказание могло предполагать запрещение в служении, извержение из сана, а также (в особо тяжких случаях) анафему или отлучение от церкви. Собственно, применительно к реалиям синодального периода пореформенного времени вероотступничество в широком спектре случаев грозило клирику исключением из духовного звания с дальнейшей социальной маргинализацией, включая членов его семьи. Психологически это имело профилактическое значение в контексте выбора священником, диаконом или причетником мировоззренческих ориентаций и поведенческих стратегий.

Параграф 4.2 **«Финансовые»** раскрывает картину финансовых злоупотреблений духовенства на приходах. Данная проблема в списке профессиональных нарушений выглядит наиболее заметной и масштабной. Экономическая составляющая играла важную, если не исключительную роль в жизни приходов. Однако ключевой вопрос заключался не столько в наличии у храмов средств как таковых и их объеме, сколько в доступе к ним и возможности каждого члена причта свободно распоряжаться положенной ему частью. Согласно источникам, последние далеко не всегда торопились получить положенное им от государства жалование даже в те периоды, в которые оно имело место и выплачивалось стабильно. Часто поступавшие от государства средства скапливались на счетах волостного казначейства. Это приводило к тому, что на руках у благочинных и настоятелей оказывались крупные суммы. Между тем, в консисторию своевременно и в полном объеме не предоставлялись отчетные документы о полученных средствах. Епархиальное начальство регулярно сетовало на неискоренимость обозначенной порочной практики, поскольку она вносила путаницу не только в епархиальную финансовую отчетность, но и в прозрачность картины операций на местах, создавая благоприятную возможность финансовых злоупотреблений со стороны должностных лиц приходского уровня.

Махинации с церковными деньгами могли осуществляться как государственными чиновниками без участия духовенства, так и в связке с его представителями, имевшими соответствующие полномочия. Обозначенная проблема прорастает в делах благочиннического и настоятельского уровней, поскольку эти должностные лица выступали ключевым звеном в распоряжении приходскими доходами. Здесь анамнез нестроений выглядит довольно внушительным, вовлекая в свою орбиту в том числе и церковных старост, – всех тех лиц, которые в силу определенных им прав имели доступ к приходским средствам.

Справедливое распределение приходских доходов между членами причтов при хронически натянутых отношениях клириков было затруднено, и перечень конфликтов на этой почве, нашедших отражение в архивах, весьма внушителен.

Мотивы финансовой несправедливости по отношению к сослуживцам со стороны настоятелей приходских, впрочем, не всегда могли упираться исключительно в эгоистическую жажду наживы и личного обогащения за счет своих подчиненных. Доступ к распределению приходских денег иногда расценивался властным лицом как способ укрепления субординации и дисциплины на приходах, либо как инструмент сведения счетов с тем или иным негодным клириком. И хотя, согласно Уставам духовных консисторий, архиереи выступали гарантами недопущения подобных злоупотреблений на местах, равно как и баланса доходов среди членов причта, на практике случались ситуации самые разнообразные. При этом, как и в прочих случаях, в наиболее уязвимом положении оказывались причетники.

Круг субъектов проблемы исключительно клиром не ограничивался. Одной из ее сторон выступали прихожане, в силу специфики организации государственного управления и общественной жизни, находившиеся в зависимости от церкви. Во взаимоотношениях причтов и прихожан одной из узловых проблем являлось так называемое вымогательство со стороны отдельных представителей приходского духовенства. Примечательно, что указания на эту практику мы встречаем не только в этнографических источниках, но даже и в официальной епархиальной периодике, что свидетельствует об актуальности обозначенной проблемы в глазах современников.

Обозначенные противоречия набирали силу в течении всего пореформенного периода, достигнув пика в условиях революции 1905–1907 гг. Потрясения в стране обострили финансовый вопрос на селе до крайности: как в среде самих причтов, так и между духовенством и прихожанами, все более приобретая признаки классового антагонизма. В условиях роста народного недовольства церковные власти нередко вставали на защиту духовенства даже путем оправдания некоторых его злоупотреблений. Последним придавался характер старинного обычая, а обострившиеся противоречия интерпретировались как инспирированные извне. Правящие архиереи и духовные консистории отчетливо видели тяжелое и постоянно ухудшавшееся

экономическое положение причтов, но существенно повлиять на улучшение ситуации не могли. Поэтому они действовали сообразно возможностям, привлекая для купирования конфликтов полицию, чем, однако, еще больше возбуждали в крестьянстве антиклерикальные настроения.

Документы дают основание выделить и ряд других видов профессиональных нарушений со стороны духовенства, так или иначе связанных с финансовым вопросом. К ним можно отнести незаконное венчание за определенную плату, неправильное (сознательное) ведение метрических книг из соображений мздоимства и т.п. Внимание привлекает и фигурирующая в источниках практика присвоения чужих наград.

В параграфе 4.3 *«Прочие проявления неканонического поведения»* анализируется картина широкого круга нравственно-дисциплинарных нарушений, которые с трудом поддаются типологизации и в общем виде в источниках обозначены как неблагоповедение. К ним относятся сквернословие, брань, курение, некоторые явления криминального плана и т.п. Отнесение их к категории специфических для клира как профессионального сообщества условно и обосновывается отнюдь не тем, что указанные поведенческие аномалии были присущи исключительно лицам духовного звания, не встречаясь в среде представителей других социальных групп. Несмотря на распространенность, они входили в острое противоречие именно с образом пастырства, нарушали дисциплинарный строй церкви, вызывая негативные этические и репутационные эффекты. При этом закономерно в особую категорию выделяются отклонения, обусловленные соматической болезнью или психическим расстройством духовного лица. Однако этот аспект проблемы затрагивает сравнительно небольшое количество случаев. Специалисты отмечают, что рубеж XIX – начала XX вв. характеризовался волнами психических эпидемий и циркулярных реакций в различных вариантах, затрагивавших в первую очередь религиозную сферу. Поэтому духовенство как часть социума не могло быть полностью избавлено от их влияния. Между тем, в случае однозначности душевного расстройства церковь не была склонна безапелляционно вводить радикальные санкции против священно- и церковнослужителей, вплоть до сохранения за ними сана и статуса, а прибегала к данной мере только в исключительных случаях.

Сквернословие и нецензурную брань обоснованно рассматривать как проявление инвективной агрессии. Источники по Казанской губернии сообщают, что в сельской местности сквернословие было характерно преимущественно для крестьян, а употребление бранных слов, во-первых, зависело от конкретной местности (где-то это явление было вполне обычным, а где-то – категорически неприемлемым), а во-вторых, от ситуации. Так, в периоды праздников и гуляний крестьяне нередко специально «украшали» свою речь матерными и площадными словами. Сквернословие процветало и среди посетителей кабаков, становясь общеупотребимым языком общения. В целом же, как сообщал один из казанских благочинных, сквернословие в губернии было довольно распространено. Судя по всему, в повседневности

нецензурная брань выступала одним из относительно конвенциональных средств канализации бытовой агрессии, которому отдавалось предпочтение перед физическим насилием. Именно поэтому акты бранного сквернословия в основном фигурируют в конфликтных или нестандартных ситуациях, когда градус напряжения ставил стороны перед выбором: обругать оппонента словами или применить к нему меры физического воздействия. Вероятно, именно этот вариант был более характерен для представителей клира как одной из сторон приходских столкновений.

Справедливости ради следует отметить, что зафиксированные факты сквернословия в среде приходского духовенства Казанской губернии немногочисленны. Но в некоторых из них просматривается примечательная деталь: нецензурная брань в большинстве случаев была направлена на «инородческую» паству, либо представителей антагонистичных социальных групп, что подтверждает тезис об особом влиянии ситуации на проявление инвективной агрессии.

Значительную роль в провоцировании сквернословия играла нетрезвость. В таком случае брань выступала сопровождением целого круга девиаций, в том числе криминального или околоскриминального плана, вербально оформляя их картину.

В источниках встречаются и упоминания о курении и нюхании клириками табака. Впрочем, сведения об этих явлениях лишь попутные, эпизодические. Каноны церкви прямо не обговаривают и не регламентируют проблему табакокурения. Исходя из этого, в церковной традиции не сложилось единомыслия на этот счет. В целом многие представители духовенства пореформенного времени не чуждались табака. Судя по интонации документов, курение в среде причтов воспринималось неоднозначно, вызывало скорее моральное порицание, но не приводило к применению каких-либо конкретных дисциплинарных санкций в отношении увлекающегося духовенства.

В аспектах поведенческой культуры сексуального плана казанское приходское духовенство в подавляющем большинстве блюло непорочность и законопослушность. Прежде всего это касалось аспектов, так или иначе связанных с насилием. Однако в архиве консистории запечатлелась пара эпизодов, указывающих на участие духовных лиц в «конвенциональных» половых контактах, запрещенных канонически. Впрочем, здесь скорее речь идет о личной склонности к излишествам, нежели влиянии иных факторов.

В решениях епархиальной власти по подобным вопросам довольно отчетливо просматривается реализация корпоративного мышления. Групповой фаворитизм проявлял себя в попытках архиереев и консистории непризнания инкриминируемых духовному лицу правонарушений. Об этом свидетельствуют документы по конкретным делам. Корень этой проблемы, очевидно, заключался в причинах общего социального плана. Церковный социум представлял собой замкнутую систему с весьма своеобразной матрицей норм и правил, на рубеже XIX–XX вв. зависшей между традиционализмом с присущей ему консервативностью, патриархальным уклоном, спецификой гендерных

ролей, и пореформенным модернизмом. Нашупать баланс в этом положении на практике удавалось не всегда, тогда как в условиях наиболее острых противоречий, грозивших выйти за пределы духовного сообщества, автоматически срабатывали охранительные механизмы, подавлявшие нацеленность иерархии на реализацию принципов христианского правосудия. Такими путями в ходе исторического развития формировался сложный организм низовой церковной культуры. Приходская повседневность обуславливала разнообразие дисциплинарных нарушений в среде духовенства на том основании, что, несмотря на сословные и профессиональные барьеры, оно не представляло собой абсолютно автономную общность. Влияние внешней среды на нее было интенсивным, перманентным и, в ряде случаев, эффективным, создавая пеструю картину этического профиля рядового клира.

В Заключение подводятся итоги исследования, формулируются основные выводы.

Если рассматривать проблему поведенческих аномалий приходского духовенства в социоцентрическом ракурсе, ключевая особенность общественного положения клира на рубеже двух веков видится в том, что подавляющая его часть, вследствие специфики хозяйственно-экономического уклада империи, относилась к категории сельского, как следствие, строго локализованного и предельно близко соседствовавшего с крестьянским «миром». Даже в уездных городах граница между городом и деревней была довольно условна. При значительных пространствах, удаленности от больших промышленных центров, а также отсутствии развитой системы коммуникаций сельский «дух» эксплицитно доминировал в приходской повседневности. Такая картина сохранялась даже в условиях постепенного проникновения модернизационных веяний. Взаимное влияние двух социальных групп, таким образом, оказывалось неизбежным, вызывая к жизни специфические культурные, психологические и, как следствие, поведенческие эффекты. Данный факт позволяет обоснованно рассматривать приходской клир Казанской губернии в качестве органичной части окружавшего его социума и оценивать нравы сельского духовенства в том числе сквозь призму крестьянской этики с присущими ей мировоззренческими установками и паттернами поведения. Надежным аргументом в пользу данного тезиса является тот факт, что подавляющая часть архивных дел, посвященных дисциплинарным нарушениям и морально-нравственным нестроениям в среде причтов губернии, касается именно его сельской части. Иными словами, социальной среде, в которой осуществлял свою жизнедеятельность клир, были присущи такие особенности, которые прямо или косвенно определяли профиль его нравов и дисциплины.

Всесторонняя материальная зависимость духовенства от крестьянства создавала весьма специфическую и крайне противоречивую модель отношений двух социальных групп, когда более высокий правовой статус клира практически полностью нивелировался необходимостью поддержания собственной жизнедеятельности за счет прихожан. В таких условиях задача

просвещения и нравственной эволюции паствы в соответствии с христианскими императивами, вмененная церковью приходским пастырями, становилась трудноразрешимой. Обстоятельства вынуждали священника к большей нравственной пластичности, гибкости и лояльности по широкому кругу вопросов в целях элементарного выживания. На это указывает многообразие нарушений в финансово-экономической сфере.

На этом фоне существенное значение имела дихотомия этики крестьянского мира и прописных норм церковного благочестия, оказавшихся в неустойчивом состоянии в силу исторических причин. Оформленная в сложную и насыщенную систему регламентаций, но трудно реализуемая в реальных условиях, церковная мораль предопределяла предпочтение представителями причтов ситуативных стратегий и доминирование в их повседневной жизни не столько книжных, сколько обусловленных местной традицией установок и правил поведения. Исходя из этого, становится понятным, почему значительный пласт нравственных отклонений в среде приходского духовенства носил по сути общесоциальный характер. Пьянство, доносительство, различные формы насилия и прочие девиации были одними из ключевых элементов общего фона не столько церковной повседневности, сколько в целом – народной. Даже система кадрового отбора, культивируемая в тот период в церкви, в значительной степени была построена на имплицитном учете позиции прихода. Тем самым происходило замыкание круга причинности.

Следует отметить, что, несмотря на высокую степень интегрированности приходского духовенства в крестьянский «мир», некоторые социальные и культурные границы между двумя группами все же сохранялись, то есть их синергия не носила абсолютного характера. Однако здесь обнаруживается довольно примечательный парадокс, суть которого сводится к тому, что ядро приходских нестроений очевидно располагалось внутри причтов, а не вовне. Ключевые точки морально-нравственной нестабильности имели место прежде всего в отношениях представителей духовенства между собой, и уже во вторую очередь – в отношениях с внешним миром. Данный факт объясним лишь с позиции признания корпоративной замкнутости духовенства и актуализации в связи с этим механизмов внутренней конкуренции.

В контексте выявления особенностей морально-нравственного облика приходских причтов и соответствия их представителей традиционным дисциплинарным и этическим требованиям Православной церкви просматривается влияние моментов как индивидуального, так и ситуационного свойств, определявших спецификацию общей картины проблемы.

Вместе с тем в нравственно-дисциплинарном плане духовенство отнюдь не было гомогенным. Так, в большинстве случаев именно низовая часть причтов в лице причетников демонстрировала наиболее радикальные и неприемлемые формы поведения, вносящие видимый разлад в жизнь приходов. Таким образом, имеются основания для выделения прямых корреляций между внутренним церковным статусом, уровнем образования,

повседневной культурой и поведенческими практиками представителей клира в рассматриваемый период. Однако, несмотря на объективно неблагоприятную атмосферу и имплицитное давление социального окружения, оставались области служения, которые на протяжении всего пореформенного времени находились вне этих негативных тенденций независимо от принадлежности духовного лица к той или иной страте. В данном случае речь идет о религиозной составляющей жизни приходов. Они подвергались заметно меньшему эрозивному воздействию времени и ситуации, что на общем фоне проблемы видится уникальным.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИИ ОТРАЖЕНЫ В СЛЕДУЮЩИХ ПУБЛИКАЦИЯХ

Статьи в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК

1. Хохлов, А.А. Специфика епархиального судопроизводства второй половины XIX в. на примере одного из дел / А.А. Хохлов // Христианское чтение. – 2023. – № 1. – С. 214–224, 0,7 п.л.

2. Хохлов, А.А. Приходской клир как объект ложного доносительства со стороны прихожан. Зарисовка на тему повседневности Казанской епархии второй половины XIX в. / А.А. Хохлов // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. – 2023. – Вып. 115. – С. 41–51, 0,7 п.л.

3. Хохлов, А.А. К вопросу о религиозных девиациях православного приходского духовенства пореформенного времени (на примере Казанской губернии) / А.А. Хохлов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. – 2023. – Вып. 3 (852). – С. 79–86, 0,5 п.л.

4. Хохлов, А.А. Ложное доносительство в повседневности православного приходского духовенства в пореформенный период (по материалам Государственного архива Республики Татарстан) / А.А. Хохлов // Религиоведение. – 2023. – № 2. – С. 38–46, 0,5 п.л.

5. Хохлов, А.А. «Жила-была одна баба». Семейная драма священнической жены Людмилы Капитоновой (по материалам государственного архива Республики Татарстан) / А.А. Хохлов // История: Факты и Символы. – 2023. – № 2 (35). – С. 50–62, 0,8 п.л.

6. Хохлов, А.А. Тайна сельской матушки. Историко-антропологический этюд о перипетиях церковной жизни начала XX в. в связи с ее моральными, культурными и правовыми особенностями / А.А. Хохлов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. – 2023. – Вып. 2. (851). – С. 76–82, 0,4 п.л.

7. *Хохлов, А.А.* Историко-антропологический очерк пьянства приходского клира Казанской епархии в середине XIX в. / А.А. Хохлов // Вестник архивиста. – 2023. – № 1. – С. 249–261, 0,8 п.л.

8. *Хохлов, А.А.* Финансово-экономическое положение сельского приходского духовенства Казанской губернии в пореформенное время (по материалам Государственного архива Республики Татарстан) / А.А. Хохлов, А.А. Никитин // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. – 2022. – Вып. 4 (849). – С. 102–109, 0,5 п.л.

9. *Хохлов, А.А.* Донос в государственном уголовном и церковном праве во второй половине XIX – начале XX вв.: сравнительный анализ сквозь призму теории и практики / А.А. Хохлов // Христианское чтение. – 2022. – № 2. – С. 173–181, 0,5 п.л.

10. *Хохлов, А.А.* Церковное правосудие в епархиальной практике в Синодальный период (на примере «Седмиозерного дела») / А.А. Хохлов // Христианское чтение. – 2021. – № 3. С. 429–437, 0,6 п.л.

11. *Хохлов, А.А.* Великая княгиня Елизавета Федоровна и «Седмиозерное дело»: старые версии и новые факты / А.А. Хохлов // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2021. – № 1. – С. 86–94, 0,6 п.л.

12. *Хохлов, А.А.* «Седмиозерное дело»: интерпретация проблемы сквозь призму источников / А.А. Хохлов // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2020. – № 3. – С. 169–175, 0,4 п.л.

13. *Хохлов, А.А.* Дело наместника Казанской Богородицкой Седмиозерной пустыни схиархимандрита Гавриила (Зырянова) / А.А. Хохлов // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. – 2019. – Вып. 88. – С. 25–43, 1,2 п.л.

14. *Хохлов, А.А.* Обстоятельства кончины старца Гавриила (Зырянова) (1844–1915). Историко-антропологический этюд / А.А. Хохлов // История: Факты и Символы. – 2019. – № 3 (20). – С. 94–104, 0,7 п.л.

15. *Хохлов, А.А.* По пути мытарств. «Седмиозерное дело» осенью 1908 – зимой 1910 гг. / А.А. Хохлов // Христианское чтение. – 2019. – № 4. – С. 216–229, 0,9 п.л.

Монографии

16. *Хохлов, А.А.* Дело наместника Казанской Богородицкой Седмиозерной пустыни схиархимандрита Гавриила (Зырянова): очерк антропологии церковной морали в свете событий 1908 года. Издание второе, исправленное и дополненное / А.А. Хохлов. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2020. – 203 с. (12,68 п. л.) – ISBN 978-5-00130-408-1

17. *Хохлов, А.А.* Дело наместника Казанской Богородицкой Седмиозерной пустыни схиархимандрита Гавриила (Зырянова): очерк

антропологии церковной морали в свете событий 1908 года / А.А. Хохлов. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2019. – 149 с. (9,31 п. л.) – ISBN 978-5-00130-239-1

18. Хохлов, А.А. Семинарское бунтарство. Вехи истории Казанской духовной семинарии / А.А. Хохлов. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2017. – 204 с. (12,68 п. л.) – ISBN 978-5-00019-850-6

Прочие публикации

19. Хохлов, А.А. Размышления о поведенческой девиации церковной молодежи в позднеимперский период / А. А. Хохлов // Историческая психология и социология истории. – 2017. – № 2 (10). – С. 92–100, 0,6 п.л.

20. Khokhlov, A.A. Church Rebels: From The History of The Kazan Theological Seminary / A.A. Khokhlov [Хохлов, А.А. Церковные бунтари: из истории Казанской духовной семинарии / А.А. Хохлов] // Revista Publicando. – 2017. – No 13. (1). – pp. 922–929, 0,5 п.л.

21. Хохлов, А.А. Место православного приходского духовенства Казанской губернии в нормативной культуре села пореформенного периода (историко-этнографический этюд) / А. А. Хохлов // Известия Общества Археологии, Истории и Этнографии при Казанском университете. – 2022. – Т. 42. № 3. – С. 94–104, 0,7 п.л.

22. Khokhlov, A.A. A reunião dos bispos ortodoxos em Kazan em 1885: Aspectos educacionais e políticos / А.У. Mikhailov, А.А. Khokhlov [Хохлов, А.А. Собор православных епископов в Казани в 1885 году: образовательные и политические аспекты / А.Ю. Михайлов, А.А. Хохлов] // Revista on line de Política e Gestão Educacional, Araraquara, v. 26, n. 00, 2022. Disponível em: <https://periodicos.fclar.unesp.br/rpge/article/view/17405> , 0,7 п.л.

23. Хохлов, А.А. Несколько слов о месте православного приходского духовенства Казанской губернии в хозяйственно-экономическом пространстве пореформенного села / А.А. Хохлов // Историко-культурное наследие российской деревни: сохранение и развитие: Сборник статей IX Всероссийской (XVII средневожской) конференции историков-аграрников, археологов, этнографов Евразии (г. Казань, 5–7 октября 2022 г.) / отв. ред.: Р.В. Шайдуллин, Р.Р. Батыршин. — Казань, 2023. – С. 380-386, 0,4 п.л.

24. Хохлов, А.А. К вопросу о некоторых малоизученных аспектах повседневности православной матушки второй половины XIX – начала XX в. (по материалам Государственного архива РТ) / А. А. Хохлов // Семейное, женское, повседневное в историко-антропологическом измерении. Материалы XVI Международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, Кострома, 5–8 окт. 2023 г. / отв. ред. Н.Л. Пушкарева; сост. А.И. Громова, А.В. Жидченко: в 2 ч. М.: ИЭА РАН, 2023. – Ч. 2. – С. 220-221, 0,2 п.л.